

АЛЕКСАНДРА БЛОНСКАЯ

ВИДНИ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

18+

Циани

Александра Блонская
Циани. Полное издание

«Автор»

2026

Блонская А.

Циани. Полное издание / А. Блонская — «Автор»,
2026 — (Циани)

Анна просто хочет вернуться домой, но из трясины гниющей Империи так просто не выбраться. Здесь помощь — всегда сделка, а спасение оборачивается новой ловушкой. В мире, где женщину можно купить, продать или подарить, Анне предстоит выбрать союзника. Эдварда Стоунфилда, которого называют святым. Или Кайла Блэквуда, знаменитого своей чудовищной репутацией. Проблема лишь в том, что слухи редко говорят всю правду.

Содержание

Часть I	5
Глава	6
Глава 1. О дивный новый мир?	7
Глава 2. Идеальный Эдвард Стоунфилд	15
Глава 3. Вопросы без ответов	23
Глава 4. Грязь в ласковых рассветных лучах	33
Глава 5. Невеста исполняет обещанное	43
Глава 6. Реликвия	53
Глава 7. Новый титул, старый друг	63
Глава 8. В тихом омуте, на дне	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александра Блонская Циани. Полное издание

Часть I

Содержание

Часть I 2

- Глава 1. О дивный новый мир? 3
- Глава 2. Идеальный Эдвард Стоунфилд 10
- Глава 3. Вопросы без ответов 18
- Глава 4. Грязь в ласковых рассветных лучах 28
- Глава 5. Невеста исполняет обещанное 37
- Глава 6. Реликвия 47
- Глава 7. Новый титул, старый друг 56
- Глава 8. В тихом омуте, на дне 63
- Глава 9. Безупречное живым не бывает 71
- Глава 10. Право королевской крови 80
- Интерлюдия. Запретное чтиво. 94
- Про хребет Люци Гёхта. 95
- Как Таш молнию у Униса стащил. 96
- Гордая жертва Порти 97
- Преданный Карус 98
- Часть 2 100
- Глава 1. А что всё это время делал герцог Блэквуд? 100
- Глава 2. Новая клетка Анны 109
- Глава 3. Проклятый герой 119
- Глава 4. Друга можно купить 128
- Глава 5. Затворника выкурили из дома 139
- Глава 6. Кровью нужно делиться. 148
- Глава 7. Все на бал! 159
- Глава 8. Игры для расхитителя гробниц 170
- Глава 9. Кошки-мышки 179
- Глава 10. Связанные одним домом 188
- Глава 11. Один враг и половинка друга 197
- Глава 12. Наследство и наследие 207
- Глава 13. В старом мундире утерянная прыть 215
- Глава 14. Нянька с бесшумным шагом 224
- Глава 15. Кто эта девушка? 233
- 16 глава. Буйный жених 247
- Глава 17. Красный храм 256
- Глава 18. Герцогиня 268
- Эпилог. Королева 273
- Интерлюдия. Она сказала «Да» 277

Глава

Часть

I

*...И снизошло на неё озарение.
И направила Светлана сына своего.
И коснулся он святыни великой.
И дрогнула твердь земная.
И рассыпался камень хрупкими осколками.
И вырвался поток из ничего и из ниоткуда.
И пронзил он землю стенающую.
И кошка обрела повадки пантеры.
И аист облачился в перо пылающее.
И ящер поднялся драконом.
И черепаха стала Нишурю.
И вошёл поток в тело самой Светланы.
И наполнил её силой живительной и пагубной.
Но не овладел ею поток — по воле и милости Единого.
И явилось существо старше всего древнего.
И встало подле неё щитом.
Так возродилась Империя...
Из книги, что должна быть забыта.
Песнь вторая.*

Глава 1. О дивный новый мир?

Аня открыла глаза и с удивлением обнаружила себя лежащей на спине. *Где?* Моргнула несколько раз, пытаясь сфокусироваться. Вверх уходил высокий каменный свод. *Это точно не скорая.*

Повернула голову и увидела огромные витражи. Бледные лучи света падали на пол, дробились на холодные разноцветные пятна... *Какая-то заброшенная церковь?*

Девушка осторожно подняла руку к лицу — пальцы дрожали, сердце билось как бешеное, хотя она просто лежала. Аня резко выдохнула и села — волосы упали на лицо рыжей, спутанной волной.

— Что произошло? — пробормотала под нос.

Она помнила: новогодний корпоратив телеканала. Музыка, свет, недопитый бокал сока. Девушка вышла подышать, она была счастлива — жизнь налаживалась.

— Бабуль... ты бы гордилась. Мне... мне наконец хорошо.

Аня тогда раскинула руки, улыбнулась в небо и закружилась. Не заметила лёд на тротуаре — одно неловкое движение — и очередной круг на скользком асфальте закончился на дороге. Девушка упала назад, прямо под фары.

Она помнила ослепительный белый свет. Помнила, как ее тело напряглось в ожидании удара. Но самого удара — не было. Она просто оказалась... Здесь.

— Это... смерть? — прошептала Аня в тишину. — Выглядит так себе...

Медленно поднялась, опираясь ладонями на холодный камень. В движении черное вечернее платье задралось. Девушка одернула его и застегнула дутую куртку — очень холодно. В глаза бросилось яркое сияние — свет исходил от чокера на шее. Бабушкин подарок — раньше он никогда не светился.

— Что ж, сэкономлю батарейку телефона... — сжала в пальцах и вытянула источник света вперёд.

Звук собственного голоса успокаивал. Неуверенно девушка сделала несколько шагов. Впереди возвышался каменный алтарь.

— Кто ты? — внимательно взглянула в лицо мраморной статуи позади алтаря. Величественная женщина без носа и правого уха ей не ответила и в общем-то это уже было хорошим поворотом событий. Аня сглотнула, проводя взглядом по мечу в руках гигантского изваяния.

Зашагала в поисках выхода, вдали виднелись врата. Поток лунного света упирался прямо в них. Аня ускорила, почти побежала к огромным дверям. С усилием распахнула их. Холод ударил в лицо, как пощёчина.

Пустынная снежная долина, уходящая в бесконечность. Вдалеке возвышались горы — высокие, чёрные, угрюмые, их пики терялись во тьме и тумане. Ни дорог. Ни фонарей. Ни единого следа на снегу, что освещала луна. *Пейзаж больше напоминал сон, чем реальность.*

— Замечательно! — Анин голос сорвался. *Точно: умерла.* — Офигенно! Спасибо! Лучший корпоратив эвер!

Ответом ей было застенчивое завывание ветра. Глаза защипало, девушка сжала кулаки и выдохнула. *Зачем она вышла на улицу...*

Аня ещё раз взгляделась в горную долину. Домов и дорог не появилось. Идти лишь бы куда в лютый мороз — самоубийство.

Гигантские двери громко хлопнули. Внутри храма было не теплее, но без ветра. Девушка снова огляделась в этот раз выискивая возможность согреться. Тело пробивала крупная дрожь.

По обе стороны зала располагались массивные мраморные каминные порталы. Аня подошла к одному из них. Ни одного полена внутри, не было даже пепла. Тёмная пасть смотрела пустыми глазницами.

— Прекрасно. Ожидаемо... — девушка хлопала себя по бокам, пытаясь разогнать кровь, но дрожь только усиливалась. *Сидела бы себе, да слушала тосты...*

Аня задумалась: всё происходящее может быть чем-то вроде иллюзии. А сама она в отключке, желательно, по пути в больницу. *Надо найти выход и вернуться обратно, в жизнь.* Девушка встряхнула головой и двинулась к алтарю.

За статуей женщины с мечом, скрывался ещё один проход. Помещение оказалось меньше, но всё равно огромным — словно вспомогательная зала. Здесь было больше уцелевшей мебели — массивный стол, стулья, полки. И свой, более скромный камин. С лихорадочной энергией Аня принялась шарить по углам и шкафам в поисках того, что можно было бы сжечь. Холод обжигал ноги в тонких колготках.

Взгляд зацепился за тяжёлую ткань. Огромные, толстые, бархатные шторы, они закрывали арку в нишу.

— А вот это пригодится! — ликовала Аня. Пришлось потянуть изо всех сил: карниз держался крепко — с неприятным скрежетом он оторвался и рухнул на пол, подняв тучу пыли. Девушка закашлялась, но уже в следующую секунду обматывала себя тяжёлой тёплой тканью прямо поверх дутой куртки. Сердце стукнуло чуть спокойнее. *Теперь нужен огонь.*

— Королева изволит топить камин! — величественно взмахнула Аня своим самодельным плащом и застыла в пафосной позе. Естественно, никаких слуг не появилось. Только пыль с ткани взметнулась выше. — Что ж, попробовать стоило...

На одной из каменных полочек лежало металлическое устройство — напоминающее огниво или зажигалку, но куда изящнее, вытянутое, с выгравированным символом. Аня щёлкнула металлическую пластинку, стараясь не выпускать края «королевской мантии».

Искра. Крохотная, живая искорка вспыхнула на мгновение и погасла. Аня замерла. Пальцы задрожали, но уже не от холода.

— Оно работает... — прошептала девушка. — Чёрт, оно работает!

Дело за дровами. Дерева вокруг было полно: обломки стоек и подставок, полки, деревянные таблички. Всё это девушка собрала в кучу у камина. Нужна была ещё бумага или солома. Лучше бы, конечно, газовую горелку найти, но антураж не предполагал таких сокровищ.

Глаза наконец привыкли к темноте и теперь стали видны фрески на стенах. Потускневшие, потрескавшиеся, но всё ещё читаемые.

На первой — женщина в длинной мантии держала в руке голубое пламя. Как факел, но без основы. На второй изображена то ли карета, то ли машина. На третьей — неизвестная с размытым лицом держала в руках лампочку... или просто бокал? *Ничего полезного.*

Аня приблизилась, ощупывая поверхность.

— Что за... альтернативная история? — пробормотала она. Странно даже для комы.

Но сначала — огонь. Девушка вздрогнула, с усилием подняла тяжёлый фолиант в кожаной обложке и направилась обратно к камину. Она успела пролистнуть несколько пожелтевших страниц и даже вырвать одну из них, как услышала отчетливый стук. Глухой, тяжёлый и ритмичный. *Это лошадь!*

Аня заулыбалась, страх отступил. Не думая, понеслась на звук, к выходу. Плащ из штор волочился за ней по камню, замедляя. На середине пути, в главном зале, девушка бросила тяжёлую ткань и ускорила. Наконец, рывком распахнула тяжёлые двери. В лицо снова ударил холод, но девушка не обратила на него внимания.

Вдалеке, на фоне белой пустоши, действительно двигалась фигура на лошади. Тёмное пятно на бесконечном снегу.

— Эй! — сорвалось с губ, голос Ани хрипел. — Здесь! Помогите!

Она отчаянно замахала руками. Фигура ускорила. Аня почувствовала, как тепло надежды поднимается в груди. Когда всадник подъехал ближе, сердце ухнуло вниз. Это был мужчина. Низкорослый, широкий в плечах, крепкий, словно вырубленный из камня. Щёки

красные от холода, густая борода в изморози. Одет в меха, и в них он казался ещё более массивным. Но главное — выражение лица. Не радость, не удивление. *Гнев!*

Он спрыгнул с лошади резко, как хищник. И в том же движении рванул меч из ножен.

Аня отступила на шаг.

— Эй, эй! Стой! Кто ты? — ветер как назло усилился, и мужчина ничего не слышал. — Я... я не враг!

Нападающий не поверил, что-то злобно выкрикнул в ответ. Речь была рваная, громкая, на незнакомом языке. Звучало так, будто каждое слово он выплёвывал с ненавистью. Аня подняла руки — жест: «Я сдаюсь!». Воин без предупреждения замахнулся мечом в рубящем движении. Рывок в сторону — клинок рассёк воздух у самой щеки. Девушка упала в снег, ладонями впиваясь в ледяную корку. *Он убьёт её.*

Аня судорожно вскинула руку, нащупала ветку и швырнула в мужчину.

— Отвали!

Ветка полетела ровной дугой. Медленно, она не могла нанести серьезное увечье. Но, когда коснулась руки нападавшего... вспыхнула.

Ослепительный голубой огонь опалил лицо и руки мужчины, перекинулся на его меха. Несчастный издал дикий животный вопль ужаса. Он отшатнулся, выпустил меч из пальцев и упал на колени, зажимая обожжённые ладони. Мужской взгляд впился в Аню и та застыла в оцепенении.

— Я... я не... — выдавила Аня, она пыталась вдохнуть и не могла. Странная тяжесть пригвоздила её к снегу. *Нужно бежать.*

Другая лошадь вылетела на пустошь, вздымая снег. На этот раз на светлом скакуне была женщина. В считанные секунды наездница спешила плавным движением. Хрупкая, тонкая, почти невесомая. Длинные белые волосы развевались на ветру, как нити ледяного света. Кожа — бледная, прозрачная, фарфоровая. Даже в движении выделялись ярко-голубые глаза, освещённые лунным светом. Спокойно и уверенно незнакомка вынула свой меч из ножен. Движение — как из танца, и кровь темным пятном брызнула на снег. Воин захрипел и рухнул в затухающем пламени.

Аня рванула прочь — и странная тяжесть исчезла. Поползла от тела прямо по снегу. Холод в ладонях приводил в чувство. Через несколько метров остановилась, устала на свои руки. Догадка мелькнула в мыслях.

— Это ты его подожгла?

Незнакомка не ответила, вытерла клинок о меха мужчины, спрятала за пояс — и только тогда посмотрела на Аню. Она шагнула ближе, мягко, будто боялась спугнуть и сказала что-то ласково, словно зверьку. Её голос — нежный, почти музыкальный — произносил незнакомые слова. Аня резко села на снегу, выдыхая. *Хотела бы — уже убила.*

— Я... ни черта не понимаю.

Спасительница наклонила голову, изучая сидящую перед ней. Как бы невзначай взглянула и на кристалл в чокере-кольце. Это не ускользнуло от внимания Ани. В ответ она застегнула куртку выше, скрывая яркий камень.

— Пф...

В это время незнакомка вернулась к телу мужчины. Деловито схватилась за ворот его шубы и потянула к краю склона. Аня наблюдала с открытым ртом, ощущение нереальности происходящего пересилило дрожь от ужаса.

Если это — попытка избавиться от тела, то весьма глупая: оставалась явная кровавая дорожка. Наконец белокурая остановилась, устало выдохнула и выразительно посмотрела Ане прямо в глаза. Та замерла на секунду — липкое, острое чувство растеклось в области желудка. Поморщилась, но подошла и уперлась руками в спину убитого.

— Это не на самом деле... — нервно усмехнулась вслух. Вместе кое-как дотолкали воина до края. Последний рывок — и тело исчезло за обрывом, глухо ударившись о выступы внизу. *Почему я это сделала?*

Белокурая лишь коротко кивнула и повернулась к лошадям. Она прогнала с поляны лошадь убитого. Та фыркнула, повернулась и поскакала прочь, оставляя глубокие следы на снегу. После этого ловко вскочила на свою лошадь и... понеслась. Стала нарезать круги вокруг храма. Лицо при этом было спокойным, даже скучающим. Потом она повела свою лошадь по контуру замысловатых фигур, будто танцевала верхом.

Анна наблюдала минуту. Вторую. Наконец, вздрогнула от холода и сумасшествия происходящего.

— Весело тебе в шубе кататься!

Махнув рукой на всадницу, Аня вернулась в храм. Кожу жгло от холода — даже дулая куртка перестала спасать. Думать о случившемся с мужчиной не хотелось, но его образ нова и снова всплывал перед глазами. С поникшими плечами подняла с пола свой «плащ» и завернулась в него. Не то, чтобы это грело, но как будто бы должно было. Зал за статуей встретил её прежней тишиной и запахом пыли.

— Так, на какой странице мы остановились? — прошептала Аня, берясь за толстый фолиант и вырывая следующий листок. Еще один она пожалела — на нём был искусный рисунок с всадником в красном плаще.

— Человек, рисовал, старался...

И только Аня поднесла смятую бумагу к огниву, как ее остановил гневный крик незнакомки. Когда она успела зайти? Девушка вырвала из рук Ани страницы и стала их разглаживать. Затем поняла, что это не помогает и... ткнула пальцем Ане в лоб. От шока последняя аж вскочила на ноги и даже замахнулась для ответа, но вовремя вспомнила, что только произошло снаружи.

Белокурая тем временем зашла в нишу и вернулась с ведерком угля в руках. Показательно высыпала в камин и легким движением руки добыла из огнива не искру, а полноценное пламя.

— А ты мне нравишься!

Собственный голос прозвучал чужим и слишком громким. Незнакомка проигнорировала комплимент, она сосредоточенно раздувала пламя.

Жар от камина был почти болезненным. Аня сидела, сжавшись в комок, и протягивала к огню онемевшие пальцы, которые теперь покалывало. Хотелось основательно подумать, что дальше, но мысли разбегались как тараканы от света.

Белокурая девушка достала нечто из маленькой кожаной сумочки, изящной, словно для похода в театр.

Подошла к Ане, протянула ладонь. На ладони сидел... жук. Толстый и блестящий, с хитиновым панцирем цвета старой меди. Девушка указала на рот. «Мол, съешь».

— Спасибо, не голодна, — буркнула Аня. Незнакомка повторила жест и пришлось даже вскочить на ноги и закрыть рот ладонями — на всякий случай.

Любительница съесть жуков пожалала плечами и сделала движение назад. Аня расслабленно выдохнула. В тот же миг тонкие пальцы вцепились в её подбородок.

— Ммф—!

Пальцы с силой разжали челюсть. Захлебнувшееся «нет» только помогло — жука затолкали прямо в рот. Аня дёрнулась, едва не подавившись. Хитиновый панцирь царапнул язык. Фарфоровая ладонь зажала ей губы, не позволяя выплюнуть насекомое. Пальцы другой руки показали на энергичный, размальывающий жест челюстей — «Жуй».

Отвращение подкатило к горлу комом. Жук хрустнул. Вяжущее, тягучее, мерзкое ощущение смолой растеклось по языку. Слюна во рту мгновенно пропала, а язык и нёбо покры-

лись плёнкой, скулы свело. Аня с трудом проглотила липкую, отвратительную массу, давясь и закатывая глаза.

Ноги вдруг стали ватными, в глазах помутнело. С глухим стоном девушка осела на свой плащ.

— Отравана?

Мир поплыл, сердце забилося неровно и часто, будто падало в пропасть. Аня не теряла сознания, но лежала, не в силах пошевелиться, глотая воздух и чувствуя, как по телу растекается тяжёлая волна.

Примерно полчаса Аня пролежала так, наблюдая, как тени от огня пляшут на потолке. Ей даже начало казаться, что она видит свет больничных ламп. Снующих туда-сюда людей. Как же иначе, как еще она могла объяснить весь этот бред.

— Только бы не в девятую городскую попасть...

Постепенно, очень медленно, свинцовая тяжесть начала отступать. Дрожь в руках утихла, в пальцах вернулось ощущение тепла. Аня сделала глубокий вдох и поняла, что дышать стало легче. Тело, измученное холодом и шоком, наконец-то расслабилось.

Белокурая присела рядом, спокойно наблюдая за её мучениями, а потом принялась расставлять дровяшки для костра на свои места. Иногда что-то бурчала под нос, иногда довольно резко. И вот, в какой-то момент, сквозь туман в голове, Аня поняла значение слов.

— Варварство! Этой книге больше тысячи лет! — с возмущением в голосе произнесла незнакомка, бережно укладывая фолиант в тряпичную сумку. Аня приподнялась на локте, широко раскрыв глаза.

— Я... я понимаю тебя?

Незнакомка резко обернулась, её ледяные глаза сузились.

— А, — лишь коротко выдохнула она. — Пришла в себя, глупая?

— Глупая? — девушка в возмущении резко села.

Собеседница фыркнула.

— Торговец обманул, — пояснила она равнодушно. — Жук такой себе, видимо.

Аня заморгала. По вкусу так точно не очень. Блондинка повторила, медленно, по слогам:

— Жук — не о-чень.

— Ещё придётся есть?! — всплеснула руками. Собеседница вздохнула и продолжила объяснения. На этот раз с лёгкой усталостью, как ребёнку:

— Жук, которого ты съела, — Переговорщик. После него можно говорить и понимать любой язык. Со временем мозг адаптируется, акцент и шероховатости пройдут... наверное.

Аня застыла. А девушка продолжила:

— И он очень дорогой. Теперь ты должна мне.

Аня возмущенно открыла рот, но собеседница снова перебила:

— Я — Фиона из рода Элени, глупо было бежать в эту страну. Особенно без Переговорщика. Тут опасно.

— Я... никуда не бегала. Я вообще не знаю, где...

— Разве в Стране варваров-человекоедов этих жуков не полно? Их же оттуда и привозят...

— Варваров-человекоедов? — переспросила Аня с искренним ужасом. — Это страна так называется?!

Фиона задумалась и легко улыбнулась.

— Дословный перевод. Это опять проделки жука. Но смысл правильный — они едят людей. Поэтому многие бегут оттуда сюда. Хотя... — она пожала плечами, — здесь немногим лучше.

Аня обхватила себя руками и подозрительно присмотрелась к Фионе. Меч, меха...

— А ты вообще что здесь делаешь? Ты сама откуда будешь?

— Я отсюда, из Страны Синих Кристаллов. — Фиона насмешливо приподняла бровь. - Я... гуляла.

— С мечом?

— Вот именно, здесь лучше всего гулять с мечом, а не с занавесками поверх одеяла, - Фиона критически взглянула на дутую куртку. Хотела что-то ещё сказать, но замерла вслушиваясь, снаружи снова кто-то двигался верхом. Фиона раздраженно закатила глаза и резко схватила Аню за локоть.

— Пусть хоть в дом умалишенных, но ты должна попасть в Лазурную столицу. Там я тебя найду. Но лучше, если ты сама придешь в Восточный Дом Гетер.

Аня хотела было возразить, что ничего не поняла, но Фиона быстрым движением сорвала ее колье.

— Эй! Это моё! — Аня попыталась выхватить украшение, воровка быстро зашипела:

— Меня обыскивать не станут, а тебя за это здесь повесят!

В большом зале раздался звук открывающихся дверей. Пришлось уступить.

— Арк! Ты здесь? — послышались мужские голоса. Аня кинулась к своему плащу и на всякий случай схватила металлическую кочергу.

— Мужчины... Никогда не доверяй мужчинам в этой стране. — Фиона силой заставила бросить оружие и кинулась к выходу из их теплого убежища. На секунду обернулась в дверях и чуть слышно мурлыкнула, — Даже Эдварду Стоунфилду.

— О, слава Единому, здесь кто-то есть! Мы спасены! — голос Фионы стал нежным, с придыханием. Да и движения из плавных, но сильных и уверенных стали откровенно слащавыми.

Звуки шагов в зале ускорились. В уже теплую комнату зашли двое мужчин. Плащи на них были одинаковые — серо-голубые, с серебряными застёжками на груди. Один — плотный, с круглым, почти детским лицом, второй — постарше, сутулый, с обветренной серой кожей и цепким, недоверчивым взглядом.

Фиона мгновенно преобразилась. Нежная, ранимая, чуть дрожащая — будто даже свет от огня становился мягче рядом с ней.

— О... слава Единому... — выдохнула она, прижимая ладони к груди. Сделала шаг, пошатнулась для верности. — Я уже думала, что погибну тут...

Голос «несчастной» сорвался, и полноватый мужчина сразу подался к ней. Его яркие рыжие волосы вспыхнули в свете камина.

— Что с вами, госпожа? Что случилось? — он поспешно усадил Фиону на ближайшую лавку, заботливо придерживая под локоть.

— Лошадь... — Фиона виновато опустила глаза. — Моя бедная лошадь обезумела, скинула меня и умчалась прочь. Я так устала... я уже думала... — она запнулась, трепетно сжав пальцы. — Я шла, как могла. Ещё немного — и замёрзла бы.

Полный мужчина сжал губы, тяжело кивнул, он был само сочувствие. Суровый же скрестил руки на груди и нахмурился:

— А что вам, госпожа, понадобилось в этих местах?

Фиона вздохнула — устало, смиренно и благородно. Достала из-за пазухи сложенный пергамент и протянула тому, что со строгим взглядом.

— Я — Фиона Элени и я действую... — гордо начала она, — с разрешения столичного жреца-наместника. Это акт милосердия.

Полный мужчина вспыхнул, он явно узнал имя блондинки:

— Милосердия? Вот как...

Фиона плавно кивнула.

— Брат-хранитель, я узнала, что одна из наших... одна из Гетер... бежала в сторону варваров. Я хотела отговорить её от греха. Предупредить. Попросить вернуться. Это было слиш-

ком самонадеянно с моей стороны... — девушка сложила руки. — Я надеялась догнать её, а в итоге сама едва спаслась.

Сутулый мужчина внимательно изучал печати на пергаменте.

— Разрешение в порядке... — пробормотал он. Затем поднял глаза: — Она тоже из вашего дома?

— Я нашла её здесь. Бедная... чужестранка. Язык путаный, почти не понимает, — Фиона вздохнула с грустью. — Переговорщик у неё явно бракованный.

Анна до этого с восторгом наблюдала театр одной актрисы, теперь же, когда речь зашла о ней, вздрогнула и опустила взгляд. Она не понимала, как лучше себя вести. А ещё она устала. Сознание накрыло полное равнодушие к происходящему.

Полный мужчина удивлённо хмыкнул:

— Бракованный? Разве у них там не полно этих жуков? Они же там... как тараканы.

Тот, что с цепким взглядом спокойно спросил:

— Вы, случайно, не видели комиссара? Он должен был пройти здесь раньше нас, верхом.

Анна сглотнула, но больше ничем не выдала волнение. Фиона лишь удивлённо распахнула голубые, невинные глаза:

— Увы... никого не видела. Лишь эту бедняжку.

— Мы нашли вашу лошадь, госпожа... — подумав, мужчина добавил, — и лошадь комиссара.

И тут взгляд Анны упал на застёжку плаща одного из братьев-хранителей. Там был не просто узор, а очень знакомая эмблема. Кристалл и руны — прямо как в любимой когда-то компьютерной игре.

И всё. Обрывки реальности — холод, боль, страх, Фиона, жук, убийство, смешные названия — сложились в единственно возможную для её измученного мозга картину.

«Кома, — с облегчением подумала Аня. — Галлюцинация. Мозг просто травит меня фантазиями, пока тело лежит под капельницей».

С этой мыслью напряжение и дикий страх растворились. Плечи расправились, а на губах появилась дерзкая, вызывающая ухмылка.

— Очень удачно, что нашли лошадей, а то как бы мы поехали. — Аня уверенно поднялась с пола, прихватила и «плащ». Прошла мимо хранителей, но у выхода обернулась:

— Ну, мы едем? В какое-нибудь более приятное место.

Хранители переглянулись. Молодой прошептал старшему с жалостью:

— Ужасы, что ей пришлось пережить в той стране... Разум помутился.

— Она права, нам нужно выдвигаться сейчас, чтобы добраться до заката, — темноволосый хранитель закрыл металлической заслонкой камин и последовал за Аней в большой зал. Второй мужчина помог Фионе подняться и почтительно предложил свой локоть.

— Госпожа, вы сможете управлять лошадью сами? До Городка Небесного Сияния часов десять, если не больше.

Аня услышала название и рассмеялась. Эхо её смеха заполнило все огромное пространство когда-то великолепной церемониальной комнаты. Девушка ничуть не смутилась громкого звука. А вот от рассветных лучей в окнах зажмурилась.

— Вы серьёзно? Что дальше? Деревня У Закатного Ручья? Мост В Радужных Брызгах?

— Сестра, твой Переговорщик переводит дословно, это не даёт тебе почувствовать красоту нашего языка... — обиженно, но мягко ответил краснощекий хранитель. Второй же даже не обратил внимания на слова девушки, он уже открыл дверь и ждал, когда остальные выйдут из храма.

— А почему я — сестра, а она — госпожа? — почти игриво продолжила Аня. Ответил уже «хмурый» брат, а не «лапушка». Так Аня мысленно обозначила новых знакомых.

— Потому что госпожа Элени имеет род и предназначение. А вы — гостья нашей страны. Но на всё свое время и воля Единого.

На улице Аня поняла, зачем Фиона скакала как ненормальная перед храмом. На снегу не осталось ни следа от произошедшего ранее, только бесчисленные отпечатки копыт «взбесившейся» лошади.

Милый пухляш почтительно помог забраться в седло Фионе, на этот раз она села по-женски, слегка набок. Еще несколько минут очарованный хранитель суетился вокруг своей госпожи, поправляя то одежду, то сумки.

Ане же достался чопорный кавалер, который сухо придержал лошадь комиссара, пока девушка неловко прыгала и карабкалась, в попытках занять место. Когда Аня уселась от нее не ускользнул неодобрительный выдох — ну, сидеть по-другому в седле она не умела. Поводья Аниной лошади хранитель привязал к своей. Затем он ловко забрался в седло и, наконец, их процессия двинулась.

— Я вам не доверяю, но пока доверюсь!

Торжественно объявила рыжеволосая неуклюжая всадница и заговорщически подмигнула Фионе, что обернулась.

Аня чувствовала необычайный прилив сил, ей было любопытно, что там впереди создал для неё собственный мозг.

Правда, надолго этих сил не хватило, через полчаса дороги она заснула прямо в седле, обнимая свой «королевский плащ».

Глава 2. Идеальный Эдвард Стоунфилд

Величественное поместье Стоунфилдов сияло, будто внутри было собственное солнце. Теплый свет из окон контрастировал с черным камнем роскошного трехэтажного здания. Фасад утопал в статуях, барельефах и светящихся кристаллах. Каждый элемент подчеркивал магическое происхождение древнего рода.

К широкой мраморной лестнице одна за другой подъезжали кареты. Одни — запряжённые лошадьми, другие — похожие на машины, с красным сиянием кристаллов под корпусом. Магические шары освещали сад и гостей так ярко, что можно было рассмотреть каждую складку на платьях дам.

— Как романтично! — воскликнула высокая дама, выходя из старомодной кареты. Её очаровала иллюзия падающих лепестков.

Хозяйка поместья, Леди Маргарет Стоунфилд прямо сейчас выглядывала из-под портьеры на улицу. Она как по списку отмечала выходящих из карет, улыбалась каждому, пусть никто её пока не видел.

— О, какой интересный крой у платья Леди Джейн... — глаза с длинными ресницами сощурились, присматриваясь к высокой даме на лестнице, — Эдвард! Альрик фон Хайд здесь! Я так боялась, что последний суд и скандал помешают ему посетить наш бал!

Леди Маргарет обращалась к своему сыну, что критично осматривал себя в зеркало. Он был сегодня идеален и знал это. Высокий, с широкими плечами, его внешность нельзя было назвать яркой, но он был удивительно гармоничен: серые глаза, русые волосы, высокие скулы и волевой подбородок. Ничего вычурного, ни одной детали, что нарушала бы мягкость и одновременную строгость линий. Была у него милая особенность: когда улыбался появлялась ямочка, но только на левой щеке.

Эдвард Стоунфилд, молодой человек двадцати семи лет, был наследником одного из самых знатных домов страны, и, конечно, завидным женихом. Он обладал удивительным даром, что не зависел ни от красных кристаллов, ни от знаний заклинаний. Его магия подарила отцу звание Лорда, хотя сам Эдвард пока унаследовал лишь титул барона.

Да, Эдвард был тем человеком, о котором матери шепчутся вечерами. И тем, чьё имя юные девушки пишут на уголках тетрадей.

— Вот так лучше...

Мужчина чуть растрепал волосы, ему нравилось, когда во внешности оставалась расслабленная небрежность. Вздрогнул от резкого движения матери: она задернула штору. Судя по широкой улыбке, хозяйка дома увидела того, кого очень ждала сегодня.

— Саэль Асмори прибыл. Теперь ничто не может испортить твою помолвку!

— Только наш дорогой известный родственник...

— О нет, — победно раскрыла веер Леди Стоунфилд. — Я назначила дату бала лишь с одной задачей: чтобы Герцог Блэквуд был в отъезде.

— Пойду проверю твою сестру. Спускайся через четверть часа, мой дорогой.

Сегодня в поместье Стоунфилдов собралась половина имперской аристократии, по мнению хозяина дома, Лорда Гарри Стоунфилда, лучшая половина. Из всех гостей едва ли с десяток набралось бы тех, что не владели магией. Зато у них были другие чудотворные ресурсы — неприлично огромные богатства.

Главной жемчужиной, конечно, стал Саэль Асмори. Верховный жрец Империи. Светло-серый камзол с лёгким голубым отливом выделялся на фоне тёмных праздничных тканей. Заметив его, гости волной расступались и замирали в почтительных поклонах. Асмори смущенно улыбался в ответ, иногда порывался даже поклониться. Он был мужчиной сорока лет, в

свои годы уже полностью седой, с теплыми карими глазами. Казалось, эти глаза не способны на осуждение или презрение, в них застыло умиротворенное выражение благодушия. Когда Саэль заговаривал, то его собеседника вырывало из реальности, остальной мир замирал и терял цвет, оставляя живым только всепонимающего слугителя Церкви.

— Невеста прибыла! — прошептали в толпе и взгляды устремились к входным дверям. София Фери шагала неторопливо. Девушке было всего восемнадцать — цветущая юность. Светлое легкое платье подчеркивало её воздушный образ: светлая кожа, мягкие черты лица, с пепельным оттенком русые волосы. Глаза — серые, отражали теплый свет магических шаров.

— Дымка у подножья горы, — опишет позже внешность Софии знаменитый поэт.

От девушки исходило нечто, что аристократы старшего поколения отмечали одним взглядом: налёт дара. Не яркого, не могущественного — но всё же дара.

А каждый ребёнок с магическим потенциалом теперь — сокровище. В мире, где магия становилась всё более редким цветком, это было ценнее любого титула или состояния. Наследник-маг становился золотым билетом для главы семейства. Поэтому теперь наложницы часто смещали жен после рождения одаренного ребёнка.

— Как повезло Фери, что дочери не в него... — ехидно заметили в толпе. Шепотом, но так, чтобы Кирилл, отец Софии, услышал. Он вышагивал тяжелой поступью сразу за дочерью. Мужчина с цепким взглядом бухгалтера, нашедшего свою золотую жилу. Его блеклый камзол выглядел неприлично дешевым для помолвки. И только заядлые модники узнали бы ткань из шерсти Мериноса, что давало защиту хозяину от магии.

— Он всем обязан Первому Министру, — послышалось от группки министерских чиновников.

— Отдал за это сына...

Взгляд Фери сразу отыскал в толпе человека, благодаря которому помолвка Софии стала возможна. Альрик фон Хайд стоял чуть в стороне, наблюдая процессию с холодной, оценивающей улыбкой. Их взгляды встретились, и между мужчинами пробежала почти невидимая искра понимания. «Старые друзья» — так они называли друг друга в свете. На деле — партнёры, чьи состояния сплетены в тугой клубок взаимовыгодных сделок.

Альрик фон Хайд был лишён дара как и Кирилл Фери. Более того, они с женой всё ещё оставались бездетными. Елена фон Хайд смогла подарить мужу лишь титул и место в правительстве. И теперь каждый в империи знал, что любая, кто родит одарённого ребёнка Первому министру, могла заменить несчастную.

— Как они подходят друг другу! — раздалась аплодисменты.

София уже стояла совсем близко к своему жениху — пять шагов, не больше. Эдвард едва успел улыбнуться, когда их взгляды встретились. В этот миг что-то произошло: глаза Софии расширились, губы дрогнули. Она резко опустила взгляд, сделала неуклюжий реверанс... и почти бегом направилась в ближайший боковой коридор. Гости удивлённо ахнули, но Эдвард, казалось, даже не смутился. Он извинился перед ближайшими дамами, не меняясь в лице, неспешно направился вслед за девушкой.

Мужчина нашёл Софию в малой гостиной. Девушка стояла спиной, прижимая ладони к груди, будто пытаясь удержать сердцебиение. Эдвард тихо закрыл за собой дверь.

— София? — мягко позвал он.

Она вздрогнула и обернулась.

— Простите! — получилось громко, София тут же прикусила губу. — Простите, я... я не справилась. Я волнуюсь. Я... вдруг подумала... что не понравлюсь вам. Что вы сочтёте меня скучной. Ведь вы меня совсем не знаете. А я... — она опустила глаза, — я столько слышала о вас.

Эдвард улыбнулся мягкой понимающей улыбкой и с нежностью взглянул прямо в глаза невесте.

— Неправда, София, — тихо сказал он. — Я знаю о вас больше, чем вы думаете.

— Как? — прошептала она. — Мы ведь никогда...

— Я видел вас в Академии художеств, — признался Эдвард. — Вы часто оставались в зале для самостоятельных занятий. У окна, что выходит на розарий.

Он замялся, подбирая слова:

— Я так же волновался, как и вы. Стремился узнать вас получше.

Щёки девушки — только что бледные — медленно порозовели.

— Я... пробовала лишь пару раз, — прошептала она. — Акварель. Но... в Гильдии хранительниц очага изучение искусства не поощряется. Это... лишнее.

— Моя мать — из Гильдии Созидательниц. — Эдвард покачал головой. — Она прекрасно владеет акварелью. Если вы захотите... Никто не посмеет осудить будущую миссис Стоунфилд за уроки у своей свекрови.

София снова вспыхнула. Она не знала, куда деть руки. Эдвард сделал шаг ближе — всё ещё соблюдая уважительную дистанцию.

— Послушайте, — начал он серьёзнее. — Я понимаю, насколько это тревожно. Жениться, когда мы едва знакомы...

Он задержал взгляд на её лице и невольно улыбнулся.

— Но сегодня — только помолвка. До свадьбы ещё три года. И за это время... — он вздохнул, — я постараюсь показать вам, что достоин быть рядом.

София удивлённо моргнула.

— Если же вы не полюбите меня... Я возьму всю ответственность на себя.

Эдвард взял руки Софии в свои.

— Я против принудительных браков.

Девушка замерла. Её губы дрогнули.

— Вы... правда так думаете?

Эдвард кивнул и улыбнулся, с той самой ямочкой на левой щеке.

— Да. Иначе я не стоял бы сейчас здесь.

Эдвард поднёс ладонь Софии к губам. В этот момент дверь в комнату распахнулась и сквозняк занёс облако магических лепестков. Розовые огоньки закружили под потолком, прямо над удивленной парой. Один опустился на протянутую ладонь Софии, она посмотрела на него, потом на Эдварда... и широко улыбнулась.

Эдвард и София под руку вышли в главный зал. На них никто даже не взглянул. Воздух здесь теперь гудел по-другому — низко, взволнованно, словно растревоженный улей. В Империи, особенно в её высших кругах, для такого единодушного возбуждения было всего три причины.

Первая — отсутствие наследника у короля. Король упорно отказывался и от наложниц, и от повторного брака. Он предпочитал хранить верность своей Королеве.

Вторая — неизбежный вывод из первой: если наследника не появится... следующим королём станет Герцог Кайл Блэквуд. Имя, которое заставляло женщин морщиться, а мужчин — хмуриться. Развратник. Самодур. Человек, у которого десятки наложниц, но ни одной жены. Правда, наложниц видели нечасто — но свидетелей их покупки было более, чем достаточно.

И третья тема — самая тревожная: участвовавшие набеги варваров с севера и на востоке. Кто будет защищать земли, если магические роды иссякают?

— Праздник испорчен! — раздалось справа, и София вздрогнула. Леди Маргарет Стоунфилд появилась словно из воздуха, Эдвард вздохнул.

— Неужели Кайл всё же приехал? — сказал он так серьёзно, что София не сразу поняла — это шутка. Тогда жених наклонился к девушке и заговорщически подмигнул.

— Да ну тебя! — всплеснула руками Леди Маргарет. — Было бы лучше, чем это!

— Мама, пожалуйста. Не при даме... — Эдвард поморщился.

— А я тебе кто? — возмутилась Маргарет, приподнимая подбородок. — Я только что узнала: час назад в центре города — убийство! И какой-то умник уже успел пустить новость среди наших гостей!

София невольно сжала пальцы Эдварда. Тот накрыл её руку своей — спокойно, уверенно, так, что девушка снова немного порозовела.

— Убийство... — пробормотала София едва слышно.

— Вы собираетесь вообще объявлять о помолвке или ждёте, когда случится, что похуже, — Лорд Гарри Стоунфилд подошел к своей жене с гневным взглядом и та мгновенно потеряла всё свое самообладание, поспешила к центру залы. Поднимаясь на невысокую сцену, споткнулась о подол платья.

— Дамы и Господа! Я счастлива, что сегодня вы здесь с нами... — её голос едва был слышен в гуле толпы. Светское общество решительно её игнорировало. Маргарет стояла в растерянности, ожидая, когда шум утихнет. Взгляд её мужа Гарри становился всё мрачнее, он в упор смотрел на свою побледневшую жену, сам же даже с места не двинулся. Тогда Эдвард с Софией под руку вышел на сцену и с очаровательной улыбкой заговорил:

— Друзья, пожалейте голос моей матери. Уделите нам минуту. — Эдвард был известен магическим талантом. Особенно легко ему давались чары, усиливающие собственное тело. Голос стал чуть более громким, чем этого требовала ситуация. В зале быстро воцарилась образцовая тишина.

— Спасибо, милый, — выдохнула Маргарет.

— Я — самая счастливая мать на свете, не только потому что у меня такой сын, но и потому что он, наконец, встретил достойную девушку.

Аплодисменты и одобрителный шум прервал речь хозяйки дома.

— Дамы и господа, я с гордостью представляю вам Софию Фери, невесту моего сына и мою будущую дочь!

— Отныне знайте, любой непристойный жест и даже взгляд по отношению к этой девушке, я буду считать оскорблением моего рода, — басом заявил Гарри Стоунфилд, поднимаясь к жене. Он с искренним порывом обнял сына. Прошептал ему на ухо:

— Я горжусь тобой, сынок.

Софию он удостоил легким поклоном, та ответила глубоким реверансом.

Затем последовал обычный для таких вечеров ритуал: на сцену вышли Фери — Кирилл и Мария со своим младшим сыном, мальчиком семи лет. Семьи обменялись клятвами родства.

— Единый сегодня здесь с нами... — сам Саэль Асмори (обычно этим занимается рядовой Брат-Хранитель) поднялся на сцену и скрепил руки пары голубой лентой. После священных слов лента впилалась в кожу и в этот же момент сцена озарилась нежным голубым свечением. Оркестр заиграл торжественную музыку.

Теперь уже гости вереницей поднимались на сцену и поздравляли молодую пару. Подарки заношили, демонстрировали окружающим и тут же уносили слуги.

— Что это? Это летающая ткань Мордера?

— Молодые убьются на ней ещё до первенца...

Церемония, несмотря на усилия каждого изображать расслабленность и радость, получилась скомканной и тревожной. Гости хотели побыстрее вернуться к обсуждению преступления. Ещё не раз потом будут вспоминать, что такая помолвка — плохая примета.

Часть мужчин во главе с хозяином дома удалились в большую гостиную, чтобы покурить сигары. Дамы старшего возраста последовали за Маргарет — подышать свежим воздухом в саду.

У Софии выпросил танец её маленький брат. А Эдварда окружили три молодых человека. Все они были ровесниками и дружили с университетской скамьи. Самый высокий из четверки, темноволосый Генри Мэлфой, был главным задирой в их компании. Он всегда впутывал дру-

зей в невообразимые и иногда неприличные приключения. Единственный, кто мог направить фантазию Генри в безопасное русло был сам Эдвард.

— Дружище, мы тут придумали... как отметить твою помолвку, - прошептал Генри Эдварду, обнимая его. Жених придержал друга за плечо.

— Если там будут гетеры, там не будет меня.

— Довольно, ты и так всегда сидишь в сторонке. Когда ты ещё...

— А теперь вообще буду сидеть дома... — обниматься дальше было бы неприлично и Эдвард стал поправлять камзол друга, — с сегодняшнего дня я буду ещё строже к себе... и тебе.

— Эдвард, могу ли я поговорить с тобой... наедине, — раздался тихий, обволакивающий голос. Все, кто был рядом, почтительно расступились, давая пространство Саэлю Асмори.

Эдвард проводил наставника в ту самую малую, уединённую гостиную — комнату, где совсем недавно пряталась София. Дождь, пока жрец опустится в кресло — и только потом сел во второе, напротив. На секунду между ними повисла тихая пауза. Эдвард снял перчатки, положил их на край столика и заговорил первым:

— Ваше святейшество... есть просьба.

Саэль кивнул.

— Мне нужно ваше благословение. Моя невеста, София, хочет изучать искусство.

Жрец на мгновение замер, а затем его лицо озарила тёплая, облегчённая улыбка.

— Эдвард, — произнёс он мягко. — С момента помолвки ответственность за духовное благополучие этой девушки лежит не только на Едином, но и на тебе, её избраннике. Если ты не видишь в стремлениях ничего, кроме жажды прекрасного, то и я благословлю это начинание. Да пребудет с ней вдохновение.

Саэль замолчал и уставился на пламя в камине.

— Мне тоже нужна помощь...

Эдвард кивнул, с готовностью приосанился.

— На севере, в районе Горного Хребта, зафиксирован необъяснимый и мощный скачок магической энергии, — голос стал тише. — Источник в одном из городков. Мне нужен кто-то, кому я доверяю. Возможно, это безобидная аномалия, а может, предвестник чего-то... большего.

— Я понимаю, — Эдвард ответил без малейших колебаний. — Я готов выехать хоть завтра, но прошу дать мне неделю. Если я умчусь по делам Империи на следующее же утро, что подумают люди о моей невесте?

Саэль внимательно посмотрел на него, и в его карих глазах читалось одобрение.

— У тебя есть неделя. Но только неделя. И важно, чтобы никто не знал о твоём расследовании. Придумай что-нибудь для отвода глаз.

Когда Эдвард вернулся в бальную залу, музыка уже смягчила напряжение.

Пары кружили в танце, перья, ткани, драгоценности мелькали в вихре света и движения.

И именно в этот вихрь, словно стрела, врезалась худенькая фигурка в жемчужном платье.

— Эдвард! — шёпотом, полным драмы, протянула Мира Стоунфилд, его шестнадцатилетняя сестра.

Она была точной копией брата: та же линия скул, тот же оттенок серых глаз, тот же немного упрямый подбородок — но всё это в более нежных чертах. Её платье переливалось серебром, волосы были уложены сложным узором локонов, на лице — глубокая, искренняя обида.

— Какой ужасный вечер, — заявила она, заламывая руки. Эдвард сдержанно улыбнулся.

— Что случилось?

— Это мой первый выход в свет! — трагически прошептала Мира, делая вид, что вот-вот расплачется. — А отец... отец даже не представил меня! Никому! Все говорят только о тебе, о Софии... об этом несчастном убитом лорде!

Девочка обиженно фыркнула.

— А обо мне — ни слова! Как будто меня вообще нет.

Эдвард мягко взял её под руку.

— Давай исправим эту несправедливость.— он наклонился к сестре. — Ты выглядишь прекрасно, Мира.

Девочка расправила плечи и победно улыбнулась. Брат повёл её к первой группе аристократов — бароны из государственных чиновников с женами.

— Дамы, господа, позвольте представить мою младшую сестру — Миру Стоунфилд.

Леди дружелюбно улыбнулись, мужчины склонили головы, кто-то даже осмелился похвалить платье юной Стоунфилд. Мира расцвела. Эдвард вёл её от группы к группе — и в каждой она становилась чуть увереннее, чуть ярче. То, что отец забыл сделать, старший брат исправлял с элегантно лёгкостью.

Наконец, брат и сестра подошли к троице друзей. Генри с озорной искрой в глазах театрально ахнул:

— О небеса! Мисс Стоунфилд? Это действительно вы? — он склонился, как будто видел перед собой королеву.

Мира выдержала паузу, затем холодно, как истинная наследница рода, сказала:

— Мы уже знакомы, Генри.

И добавила чуть тише:

— Со всеми вами я знакома.

Брови друзей взлетели вверх. Эдвард лишь едва заметно приподнял уголок губ — он прекрасно знал, что Генри нравился девушкам. И, судя по всему, его сестре — тоже.

Генри, не смутившись ни на секунду, приложил руку к сердцу:

— Но не официально, Мира. А теперь, когда ваш брат лично представил... — он протянул ей руку. — Могу я пригласить вас на танец?

Мира вспыхнула, довольно улыбнулась и вложила ладонь в мужскую руку так уверенно, будто делала это всю жизнь:

— Разумеется, сэр Мэлфой.

— Ох, как официально, — хохотнул кто-то из друзей.

Генри повёл её прямо в центр залы, где как раз начинался вальс. И Мира, которая недавно кипела обидой, теперь выглядела самой счастливой девушкой вечера. Эдвард смотрел им вслед, слегка качая головой.

— Я видел, что у тебя было время поговорить с невестой. И как она тебе? — подал голос Питер, рыжеволосый пухлый барон, он выглядел старше и благодушнее всех в четверке друзей.

— Совсем ребёнок, как моя сестра... — тихо ответил Эдвард, наблюдая за Софией, которая пятый танец подряд дурачилась со своим братом.

— Странно, что они взяли ребенка на бал, я про брата Софии, конечно... Некрасиво. — буркнул Томас, подойдя ближе. Но Эдвард проигнорировал его и продолжил диалог с Питером.

— А я слышал об убийстве. Кто, как не полицейский комиссар, мог узнать о происшествии так скоро.

Питер густо покраснел, почти сливаясь со своей рыжей шевелюрой.

— Ну это я от шока сболтнул. Лорд Пенелби был жестоко убит в своём доме, пока собирался на бал.

— У него недоброжелателей как снега зимой, — скучаяще прокомментировал Томас.

— А вот тут ты прав, — выдохнул Эдвард.

Стоунфилды славились своими праздниками, но в этот раз Маргарет превзошла саму себя: она завладела «моментальными проекциями». В специально оборудованном павильоне гости, пара за парой, вставали в магический круг. На мгновение вспыхивал свет, и вот в руках оказывалась изящная статуэтка — точная копия позирующих. Почти все гости ушли, крепко прижимая к себе драгоценные сувениры.

— Эдварду так повезло с невестой, — шепнула Мире мать, указывая на Софию. Та держала свою проекцию двумя руками. На миниатюре она стояла под руку с Эдвардом.

— Кусочек счастливого будущего, что можно держать на полке, — усмехнулась довольная Маргарет.

— Это ей повезло с моим братом, — буркнула девочка, разочарованно разглядывая сплющенного Генри рядом с собой на статуэтке. Он вбежал в круг в последний момент и всё испортил.

Сложнее всего было выдворить сплетников, выпытывающих подробности убийства. Ни один слух не мог родиться так быстро, распространиться так стремительно и разрастись до размеров легенды, как среди сливок столичного общества. Кто-то клялся, что видел место преступления собственными глазами. Кто-то уверял, что знает имя убийцы. Кто-то вполголоса утверждал — Лорда Пенелби убил призрак покойной жены. Оставалось непонятным, какой именно из них.

Самые стойкие гости укатили лишь под утро, в предрассветную мглу. Однако Питер, Томас и Генри, вместо того чтобы последовать их примеру, снова окружили Эдварда.

— Леди Маргарет, лорд Гарри, — с обаятельной, но настойчивой улыбкой обратился Генри к его родителям. — Мы умоляем вас отдать вашего сына ещё на один, совсем маленький час. У нас для него приготовлен... особый сюрприз.

Уставшая Маргарет нахмурилась и хотела было возразить, но Гарри опередил её.

— Мужчина должен развлекаться, а не сидеть в комнате как девица. Только, ради всего святого, не задерживайте его до полудня.

Он постучал пальцем по плечу Эдварда.

— И проследи за этими идиотами.

Питер покраснел. Томас возмутился. Генри отдал честь, как солдат.

— Как скажете, отец.

Усмехнулся Эдвард. Троица торжественно повела его из залы.

— Вот скажи мне, — возмущённо бубнил Питер, — ну зачем тебе эта командировка? «Инспекция северных институтов» — да кому это вообще нужно?! Кто там вообще живёт? Ледяные черти да пять монахов!

Эдвард пожал плечами. Дождь начал с редких капель, но вскоре перешёл в уверенную морось, превращая мостовые в тёмное зеркало. Фонари мерцали неохотно — магические кристаллы в них давно требовали замены, и свет больше напоминал усталое дыхание, чем яркое сияние.

— Такая у меня должность. Кто-то должен проверять и север, — ответил он спокойно, хотя голос его звучал устало. — Если я что-нибудь решал, я бы половину контроля сократил.

— Всё ещё будет, — хмыкнул Томас. Он шёл чуть впереди, закинув руки за голову. — Мы все знаем: Саэль тебя готовит на своё место.

Эдвард поморщился так явно, что даже в темноте было заметно. Томас постоянно подчеркивал высокое положение друга. Он не скрывал своей зависти и даже как будто упрекал — у него был самый слабый дар из всей четверки. Он, как многие другие бездарные, в совершенстве овладел магическими артефактами на основе красных кристаллов.

— Зачем так далеко, не могли пойти в бар поближе? — буркнул Питер уже Генри.

– Пришлось менять план в последний момент. – развёл руками Генри. – Жених сказал — никаких гетер.

Эдвард фыркнул.

– Сказал. И повторю.

– Да-да, Карус¹ ты наш, – ухмыльнулся Генри. – Так что пришлось искать место почище. И... та-дааа!

Четверо мужчин остановились перед невзрачным, тёмным фасадом. Вывеска из потускневших магических букв слабо светилась: «Аркадия». Генри проигнорировал выразительное молчание друзей, толкнул дверь, и они вошли внутрь.

Воздух встретил запахом старого дерева, сладкой ваты и едва уловимой статики работающей магии. Пустой зал был погружён в полумрак, и лишь в центре сиял магический купол.

— В последний раз я играл, когда была жива моя сестра, — негромко, почти невзначай бросил Генри. Он ловко забрался на длинное бревно под самым куполом и взял из корзины надувной меч, — Мне было пятнадцать и Анна всегда сбрасывала меня вниз в первые же пять минут.

По бревну и вокруг, прямо в воздухе, носились разноцветные магические фигуры — нелепые, игрушечные звери. Одну из фигур Генри ударил со всей силы и надувная панда полетела вниз.

– Ты... хочешь сказать... – начал Эдвард, приподняв бровь и снимая камзол, – Что мы будем...

– ДУБАСИТЬ друг друга на бревне, – радостно закончил за него Генри.

Томас расхохотался и вскарабкался по лестнице к Генри. Питер покачал головой, с опаской разглядывая игрушки вокруг. Эдвард в свободной рубашке полез на противоположную сторону бревна.

— Игроки могут сбивать друг друга? — уточнил Томас, взвешивая в руке дубинку.

— Естественно! — крикнул Генри и, прежде чем Томас успел среагировать, со всей дури ударил своим мечом ему в бок.

— А-а-а! Ты жук! — заорал Томас, кувыркаясь вниз и неуклюже приземляясь на мягкий батут.

Генри, уже сияя во всю ширину рта, развернулся к ошеломлённому Эдварду.

— Ну что, будущий Верховный Жрец, готов помериться силой с плюшевым драконом?

¹ Древний герой Империи. Образец справедливости. Больше о нём в интерлюдии «Запретное чтиво»

Глава 3. Вопросы без ответов

В так называемый Городок Небесного Сияния конвой прибыл глубокой ночью. Чёрные скальные гряды, наполовину занесённые снегом, сменились серыми низкими домами. Редкие деревья стояли мёртвые, как будто их когда-то облизал огонь и с тех пор они не росли. Всё здесь освещалось тревожным, кроваво-красным светом от кристаллов — на столбах, прямо в мостовых и заборах. Мрачный отсвет лежал на стенах, на лицах редких прохожих, на всадниках впереди. Унылый пейзаж больше походил на декорации к дешёвому спектаклю о преисподней, чем на милый городок в горах, который обещало название.

— Вы шутите? — Анин голос сорвался в истерический смешок. — Небесного сияния? Небесного?! Он же... — она мотнула рукой, — лиловый, мать его!

Пухлый священник, который всю дорогу переживал за Фиону, смутился.

— Названия, сестра, они древние! — оправдывался он. — Страна менялась, а имена — остались.

Лошади остановились перед двухэтажным зданием из тёмного камня. Окна были решетчатыми. Двери — металлическими. А над входом висела табличка, на которой от древних букв сохранилась ровно половина.

— Ох, лапушка... — Аня замолчала в попытке элегантно спрыгнуть с лошади. Попытка — ключевое слово. Её ноги отказались слушаться. Она рухнула в серую жижу у входа, вскрикнув от боли.

— Ай!... твою же... — она схватилась за бедро. — Я не чувствую ног!

Фиона, которую высокий священник галантно усаживал в тёплую карету, даже не обернулась. Лишь вскинула подбородок, будто говоря: *сама виновата*. Пока Аня, скрипя зубами, поднималась, всё тот же рыжий Брат-Хранитель подхватил её под локоть.

— Вы можете называть меня брат Патрик — пробормотал Патрик, виновато почесав затылок. — Я провожу вас... на ночлег.

Ночевать Лапушка предлагал в тюремной камере. Крошечной комнате с лавкой, обитой кожей и туалетным ведром в углу.

— Хорошо хоть не использованное. — отметила Аня, разминая затёкшие ноги. Она присела на лавочку и тут же вскочила от боли. Патрик принёс ей чашку горячего чая и стопку толстых шерстяных одеял. Чистых и даже приятных на вид.

— Завтра вас ждет допрос, сестра, — Лапушка замылся. — Я постараюсь убедить комиссара быть мягче. Он... суровый человек. Но справедливый, конечно. Но больше всё же опасный.

Анна резко обернулась. Где-то под ребрами разлился холод, стоило вспомнить перекошенное лицо воина у храма.

— Это тот, который... ну... пропал?

Патрик кивнул.

— Тогда не парься. Не будет завтра никаких допросов.

Анна нервно хмыкнула.

— Ты лучше, Патрик, отведи меня в нормальный туалет. Негоже ночевать с полным ведром.

Брат засомневался, но все же уступил. Туалетная комната в этом холодном и мрачном мире была немногим лучше ведра. Осложняло действие тупая ноющая боль по всей поверхности ягодиц. Но Аня не унывала, эта убогая дырка в полу — явная отсылка к сельским туалетам из репортажных командировок. А, значит, нужно потерпеть, скоро она проснётся и пойдёт на работу.

— Это ли не счастье?

Пробурчала себе под нос Аня. Девушка вернулась в уже свою камеру, совершенно игнорируя запыхавшегося Патрика позади. Проигнорировала она и то, что он закрыл решетку, только взглянула на стол в углу, куда мужчина положил ключи. Девушка расстелила несколько одеял на скамейку, одно свернула в роли подушки и одно оставила, чтобы укрыться. *Может, во сне получится проснуться в своём мире?* Она аккуратно улеглась бочком и взяла наконец в руки чай. Пар приятно поднимался от чашки.

— Доброй ночи, сестра. Я потушу свет. — прошептал Патрик и вышел из комнаты. Лязгнул засов.

— И тебе, братишка, — Аня отхлебнула чай. Вкус был странным — будто трава и дым. Но тепло растекалось по телу. Убедившись, что Патрик точно ушёл, девушка, наконец, стянула колготки и растерла обледеневшие ноги. Даже в тусклом свете из маленького окошка было видно, как они покраснели и опухли. *Такого во снах не бывает.* Аня твердо решила отогреться и поспать, прежде чем анализировать происходящее и думать, что делать дальше. Пока она предпочитала принимать теорию о коме за истину.

Аня честно пыталась уснуть. Сначала она легла на левый бок — больно. На правый — ещё хуже. На спину — лавка давила в лопатки так, будто мстила за всех путешественников, что когда-то на ней сидели. Заныла поясница. Девушка ворочалась минут двадцать, потом сорок... Потом потеряла счёт времени. Наконец, она сдалась, села, закуталась в одеяло и пробормотала:

— Ладно, переходим ко второму пункту.

Она встала, прошлась взад-вперёд по камере, потрогала холодный камень стены, ширкнула носком о ножку лавки, тихо выругалась — и остановилась у края решётки. На столешнице в углу комнаты, но за решеткой лежали те самые ключи от её камеры. Анна уставилась на них. Долгим, пристальным, гипнотическим взглядом.

Фиона не успела ответить, она ли подожгла ветку синим пламенем. Только вот Аня как сейчас отчётливо помнила покалывания в ладонях и выплеск энергии откуда-то из области груди. А что, если в этой коме у Ани есть сверхспособности? Девушка решила проверить теорию. *Сможет ли передвинуть предмет силой мысли?*

— Ну давай... — прошептала она, хмурясь так, что вены на лбу вздулись. — Давай, двигайся.

Ключи, разумеется, никак не отреагировали. Девушка снова нервно зашагала по камере. Достала телефон из внутреннего кармана. Аня мудро выключила его, как только поняла, что путешествие по этой коме будет долгим. В пути, правда, пару раз доставала, включала и фотографировала особенно величественные валуны, подпирающие свинцовое небо. Ну и тот холм в виде пышных грудей.

Аня снова включила телефон, проверила галерею — все эти фотографии на месте. *Четко работает мозг всё-таки.* А вот сети нет, вай-фая тоже, батарея — девяносто семь процентов.

Девушка резко повернулась к ключам и продолжила гипнотизировать железяки, будто пыталась передвинуть их силой внутренней агрессии. Минуты две ничего не происходило. А потом — получилось.

Комнату озарил свет. Мягкий, холодный, голубой — как отсвет зимней луны на снегу. Аня рефлекторно прикрыла глаза. В воздухе над столом проступил силуэт.

«Бабушка?» — пронеслось у неё в голове прежде, чем она успела подумать, что это глупость. Силуэт мигнул, затем расплылся и сложился обратно.

Лёгкая волна тепла прокатилась по комнате, и ключи... дёрнулись. Поползли по столу и полетели прямо девушке в руку.

— НИХРЕ... НЕТ, СЕРЬЁЗНО?! — Аня прижала ключи к груди. — Да ладноооо!

Самодовольная улыбка сама растянулась по лицу. По телу разлилось тепло — вместе с пьянящей смелостью, дающей силу расправить плечи, поймать за руку продавца, решившего тебя обчитать и даже огрызнуться на старших.

— Ну, конечно, — пробормотала она и вскинула нос. — Логично же. Если уж я в коме, то в своих галлюцинациях, я пусть и с большой попой, но могущественная... ведьма? Маг? Магичка?

Ключи звякнули у девушки в руке. Аня подбросила их, поймала и решительно открыла решётку камеры. Довольная собой, вышла в комнату и облокотилась на тот самый стол, где лежали ключи.

— Если я смогла притянуть ключи... значит, я подожгла ветку!

Радость разлилась по груди, в голове зазвенел азартный ток. Аня хищно обернулась на единственный объект, подходящий для эксперимента: на ведро в углу. Она наставила на него палец.

— Ну что, дружок. Время испытаний.

Девушка напряглась, представила огонь, затем вспышку, тепло пламени. Даже почувствовала, как где-то под рёбрами шевельнулось... И ничего. Ведро стояло на месте. Смотрело своим одним глазом на неё с презрением.

Аня ткнула в него пальцем ещё раз.

— Гореть. Сказала.

Ведро даже не звякнуло. Девушка тяжело выдохнула.

— Ну, ладно... — она прислонилась лбом к стене. — Не всё сразу.

Девушка подмигнула в темноту.

— Не переживай. Я тебя всё равно подожду.

Нужно осмотреться. Аня беззаботно дернула железную дверь в коридор из комнаты...

Серый, кислый свет пробивался в камеру через решётку окна, когда Аню разбудили приглушённые голоса у двери. Она не сразу поняла, где находится, но вид унылого каменного потолка вернул её в суровую реальность. Она лежала на жесткой лавке, каждое движение отзывалось в теле глухой болью — напоминание о верховой езде. *Сон не вернул её в нормальный мир.*

У двери, в коридоре, шептались двое.

— ...а вдруг она действительно пророчица, Арсин?! — торопливо шипел Патрик. — Иначе как она узнала, что комиссар утром не вернётся?

— Ты идиот, Патрик, — раздался низкий, суровый голос. — Мы сами увели его лошадь. Он потерялся...

— У него спасательных артефактов, как зубов. Взять хотя бы телепорт, он мог перенестись в ту же секунду!

— Патрик, он скорее пешком пойдёт три дня, чем потратит хоть один артефакт. Подождем его пару дней, опросим пока сами...

— И Брат-наместник как по воле Единого уехал в столицу на какую-то помолвку...

«Пророчица... — с горькой усмешкой подумала Аня, слушая, как шаги Патрика и Арсина затихают в коридоре. — Если бы вы знали, какая я пророчица».

Девушка бросила взгляд на решётку входной двери — тяжёлую, железную и надёжную. Вчера она пыталась открыть её всеми способами: уговорами, угрозами, концентрацией, ментальными воплями, физической яростью, философским смирением.

Дверь не поддавалась ни под чем.

Более того — Аня была вынуждена, краснея от стыда, сама закрыть себя обратно внутри камеры и бросить ключи на стол, изображая, что ничего и не было. Затем её накрыла внезапная слабость — заснула, едва накрылась одеялом.

«Вот вам и ведьмовская слава... Ведро — не горит. Задница — болит. Дверь — не открывается». Аня зевнула, то ли от усталости, то ли от унылой безысходности, и, сосредоточившись на темнеющем коридоре за решётчатым окошком двери, прошептала:

— Ну давай же... хоть чуть-чуть...

И... Щёлк! Засов открылся. В проеме показалось любопытное лицо Патрика.

— Сестра, к вам пришла госпожа Элени... И я принёс вам лекарство.

— Лекарство? — Аня напряглась, машинально пригладила волосы — безуспешно. Тогда она достала резинку из кармана и убрала поникшие локоны в высокую гульку.

— Впускай гостью, братишка. Только лекарство мне не надо... Мне бы завтрак.

Аня непроизвольно встала и слегка наклонилась в приветственном поклоне, наблюдая как дверь открылась шире и внутрь вплыла Фиона. Патрик семенил за ней согнутый вдвое с подносом в руках.

Оно и понятно, почему все сегодня сами собой кланялись девушке. Фиона выглядела, будто её только что телепортировали с трона: вся в мехах — не тёплых, а величественных, разноцветных; волосы уложены в высокую причёску, украшений — словно в короне дома Романовых; перчатки сияли кольцами. Каждый жест гостьи говорил: «Поклоняйтесь. Я — здесь царица».

— О, сестра! — воскликнула эта царица голосом, полным искренней тревоги, и стремительно ринулась к Ане, хватая её руки в отчаянном жесте. — Я так переживала за тебя в этой ужасной сырости! Я принесла тебе тёплые вещи...

Сразу за Фионой в камеру зашел и Патрик, на подносе Аня заметила пиалу с темной бордовой жидкостью. Белокурая девушка резким взмахом рукава снесла с подноса пиалу и та рухнула на пол, облив великолепные меха. Патрик бросился собирать глиняные осколки, приговаривая, чтобы сестры не шевелились.

Но «сёстры» и не собирались. Фиона резко изменилась в лице. Выпученными глазами она показала на пятно на полу и скрестила руки в запрещающем жесте. Аня громко вздохнула.

— О, нет! Ваши меха! — в ужасе воскликнул Патрик, поднявшись с колен. — Они испорчены.

Фиона снова обернулась нежной чарующей девушкой.

— Да что вы! Это всего лишь одежда, Брат-хранитель! — она мягко взяла руки служителя в свои и тот стал весь пунцовым.

— Я... я принесу другую порцию... — наконец ожил Патрик, он хотел уже выйти из комнаты, но Аня остановила его.

— А что это за лекарство, Патрик?

— Женское лекарство... — растерялся мужчина. Таких вопросов ему никогда не задавали. — Его пьёт каждый день каждая женщина страны. Эта хворь передается из поколения в поколение и вот...

— Но я же не из вашей страны. Зачем тратить на меня такую драгоценность.

Патрик глубоко задумался, как будто варварка задала ему задачу уровня «доказать теорему Ферма». Он даже опустил взгляд — потом снова поднял и неуверенно кивнул:

— Но даже приедем женщинам всегда его дают... Я должен спросить у старшего, — сдался Патрик и даже поник плечами. — Но никого в городе сейчас нет.

— Так давайте дождёмся старших. — Аня аккуратно уселась на лавку. Фиона всё это время внимательно следила за диалогом, но не вмешивалась. И только теперь произнесла сладким голосом:

— Патрик, не могли бы вы принести сверток сестре. Он остался в коридоре.

Дверь едва успела закрыться за Патриком, как маска заботливости осыпалась с лица Фионы.

— Эти красные кристаллы повсюду, они тянут твою энерги... — начала скороговоркой, но тут же замолчала, услышав торопливые шаги в коридоре. Патрик вернулся так быстро, словно телепортировался, сжимая в руках объёмный свёрток. Он сиял от сознания собственной расторопности.

— Вот, госпожа, всё как вы просили!

— Благодарю вас, брат Патрик, — Фиона вновь натянула на себя образ благородной дамы, взяла свёрток и просто бросила его на лавку рядом с Анной. Никаких лишних объяснений. — К сожалению, моя миссия здесь завершена. Мне нужно спешить в столицу. —

Она выделила слово «Столица».

— Я умоляю вас, присмотрите за этой бедной душой, — она кивнула в сторону заключенной, и в её голосе снова зазвучали сладкие, проникновенные нотки.

Прежде чем Патрик успел что-то ответить, она ловко вложила ему в ладонь золотую монету. Лицо брата-хранителя моментально омрачилось.

— Госпожа! Я не за плату исполняю свой долг! — в его голосе прозвучала искренняя обида.

— Брат Патрик! — Фиона прижала его руку к груди с видом оскорблённой невинности. — Это не плата! Это — пожертвование для вашего скромного прихода.

Аргумент подействовал безотказно. Обида на лице Патрика сменилась лёгким смущением и тут же — благочестивым рвением.

— О, конечно! Простите мою глупость! Я немедленно внесу его в книгу учёта пожертвований и вознесу молитвы за ваше здоровье и... и за варварку! — он уже поворачивался, бормоча себе под нос: — Сначала запись, потом молитва... или сначала молитва?

— Не пей лекарство, держись подальше от красных кристаллов.

Шепнула Фиона и скользнула в коридор, дверь громко лязгнула засовом — Аня вновь осталась одна.

До обеда девушка успела почувствовать себя почти человеком. Патрик сразу после ухода Фионы принёс ей завтрак, достойный... ну, детского сада. Рисовая молочная каша, огромный бутерброд с маслом и сыром, и какао с традиционной пенкой.

— Все же в девятку попала...

Брат-Хранитель позволил поесть Ане вне камеры, за столом, прямо под небольшим окошком. Затем он проводил её в уборную и умывальную, даже сам натаскал горячей воды.

Оставшись снова одна, Аня занялась «подарками от Фионы». В свертке оказались мягкие шерстяные штаны, длинное шерстяное платье, расписной палантин. Но главное — светлая длинная дублёнка с объёмным капюшоном. К ней шли угги.

— Ляпота, — пробормотала Анна, закутываясь в меха. — Чистая магия.

В дубленке обнаружили внутренние карманы — а вот это полезно. В одном оказалась записка, всего одно слово, но написано так коряво, что и не разобрать. *Или жук не учил читать?* Девушка убрала клочок пергамента обратно. Затем стала переключать свои «богатства» из куртки в меха. Оказалось, что у Анны с собой были: телефон, шоколадка «Аленка» с начинкой, маленький тюбик крема для рук (спасение после местного мыла), пять мятных конфет, банковская карточка и несколько выцветших чеков. Вот и все остатки покинутой цивилизации.

Только Аня задремала, накрывшись своими новыми мехами, как её разбудил звук открывающейся двери. Арсин неспешно зашёл в комнату. Громко звеня ключами он распахнул решётчатую дверь в камеру.

— Брат Патрик всегда предупреждает стуком, — сонно заворчала девушка, поднимаясь.

— Учту, — холодно ответил темноволосый брат-хранитель. Рукой он указал на стул перед столом, сам же занял место напротив.

— Я буду спрашивать и записывать ваши ответы. Не переживайте, никаких обвинений против вас нет. Пока.

Аня молча присела, она всё еще была процентов на восемьдесят во сне. Арсин с чрезвычайно серьезным видом раскрыл пустую тетрадь с пожелтевшим пергаментом.

— Ваше имя.

— Анна.

Арсин довольно кивнул и старательно вывел на местном языке это имя.

— Ваш род?

— Женский... — скривилась Анна.

— Второе имя, которое перешло вам от отца, — не смутившись, объяснил Арсин. *Он репетировал этот вопрос?*

— А, мне оно перешло от бабушки. Синичкина я.

Суровый Брат-Хранитель явно надеялся, что затык в допросе настанет хоть чуточку позже.

— То есть Анна из рода Синичкина. — он замешкался, не зная как пишется по буквам это странное слово.

— Нет, правильнее будет Анна из рода Синичкиных. От слова «синица», птицы такие.

Девушка благодушно улыбнулась.

— При чем тут птицы?

На лбу Арсина выступил пот.

— А у вас нет птиц?

Аня с любопытством взглянула на маленькое окно, как будто ожидала там увидеть ответ на вопрос.

— Есть.

— Но синиц нет?

Арсин раздраженно стал выводить фамилию как понял.

— Дата рождения?

— Двадцать третьего октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

В отчаянии мужчина положил свою чернильную ручку-перо. Он усталился на потолок, потом кивнул самому себе и снова спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать семь.

Аня сочувствовала бедняге и старалась не добавлять ему проблем, но пока не получалось. Услышав цифру, Арсин заговорил чуть почтительнее.

— Дети? Внуки?

Аня аж опешила. Чуть не задохнулась своим же возмущением и зачем-то ответила:

— Не важно!

— Ваша гильдия... то есть, чем вы зарабатываете.

— Журналист ТВ.

Арсин снова отложил перо. Он не знал как записать это слово. Вздох. Мужчина деловито закрыл тетрадь, смазав записи, ведь чернила не успели высохнуть. И вышел из комнаты. Через минуты три вернулся и жестом попросил Анну вернуться в камеру.

— Я вернусь, Старшая сестра, с кем-то более подходящим для допроса.

Арсин шёл по узкому коридору так, будто нёс на плечах вес всего Городка Небесного Сияния. Он готовился. Упорно, честно, по всем правилам. Всю ночь изучал пожелтевшие фолианты в архиве управы. Но последний подобный допрос проводился двадцать лет назад, а описанные там методики больше походили на пытки.

Вообще беглецы из-за гор редко попадали именно сюда. И это объяснимо: зачем страждущим и измученным людям в этот страждущий и измученный край? В Городок Небесного Сияния никто в здравом уме не стремился.

Поэтому варварка в допросной комнате стала событием. А ещё она: была старше и Патрика и Арсина, а к старшим нужно проявлять уважение, пусть и к женщине, пусть и к варварке; она была журналистом – не известно, что это значит, но вдруг нечто магическое, а маги Империи нужны, даже женщины; она говорит странные вещи, что может означать, что она сумасшедшая, а может, что она умнее Арсина.

— Тут нужно поделикатнее, — решил для себя Брат-Хранитель.

Столько акцентов на «мужском» и «женском» в рассуждениях Арсина объяснимы. Священный служитель был воспитан в классической имперской манере, где женщины – слабые существа, которыми нужно управлять, которых нужно защищать даже от самих себя. Три века назад именно женщины наслали на страну проклятие Единого, когда Синие кристаллы обратились в Красные. И остались только Лже-синие кристаллы.

Но вырос Арсин всё же на Севере, а здесь отношение к слабому полу немного, но мягче. Например, такое явление как «Свободная» - женщина после тридцати лет, что не вышла замуж и не собирается, существует только в здешних краях. Никто не имеет права её принудить к браку, если она заплатила государству «Налог свободы». Арсин не раз размышлял, почему именно здесь, на Севере, стала возможна женская независимость. Он пришёл к выводу, к собственному смущению, что нравственность и духовность ни при чём, северные женщины были сильными физически.

Снаружи моросил то ли снег, то ли дождь. Красные кристаллы давали унылый свет, снежная жижа чавкала под сапогами. Арсин быстрым шагом направился к таверне «Кристалльная воля», единственному постоялому двору в округе. Не могло быть и речи, чтобы обычного служителя Церкви представили человеку королевских кровей, да ещё и могущественному магу. Однако, в исключительных ситуациях Арсин, как Брат-Хранитель, мог и даже был обязан в нарушение всякого этикета обратиться за помощью к официальному лицу.

Мужчина уверенно зашел в двойные двери таверны, он старался не смотреть по сторонам, чтобы никого не смущать, и прошёл прямо к лестнице на второй этаж. Все в городке знали, что в конце коридора находился особенный номер для знатных гостей. Где быть Кайлу Блэкуду, если не там? Арсин замер в секундной нерешительности и невольно услышал обрывок разговора герцога.

— Как ты так можешь со мной поступать? — прошептал женский голос.

— Милая, ты просто мне уже надоела... но, подожди, у нас гость!

Арсин вздрогнул от резкого движения двери. На пороге стоял высокий темноволосый мужчина, он смотрел на служителя черными глазами почти с разочарованием. Словно ждал кого-то другого.

— Чего надобно, отче?

— Я лишь Брат-Хранитель... — растерялся Арсин. — У меня важное дело. Церкви больше не к кому обратиться.

— Мне для этого нужно куда-то идти?

— Да.

— Тогда я — пас.

Дверь захлопнулась. Арсин не ожидал такого исхода: да, о Блэкуде мало говорили приятного, по правде говоря, служитель вообще не слышал ни одного положительного слова о Его Светлости. Но так грубо отказать Церкви... Молодой человек машинально отряхнул мантию, медленно развернулся и двинулся по коридору к лестнице, собираясь с мыслями. И тут:

— Подожди! Я передумал! Прогулка мне не повредит... — герцог в теплом плаще поверх одной рубашки без сюртука быстро приближался к Арсину. На ходу он обернулся и крикнул в сторону своего номера:

— Милая, дождись меня, и не плачь так громко, ведь тут никого нет! Тебя никто не услышит.

В нижнем зале таверны, герцог не последовал за Арсином, а подошел к барной стойке.

— Где же Заврус?

— Он придёт... хорошо, если через час только, скончалась «Свободная», говорят, там замешан кузнец... Вот Заврус и побежал свежие слухи собирать, — хохотнул полный мужчина за стойкой и продолжил заполнять учётные журналы. Герцог недовольно цокнул и развернулся к Арсину.

— Что ж, Брат, у нас с вами есть немного времени. Хотите, расскажу о девушке в моём номере?

Аня не поняла, когда успела заснуть снова. Только что она лежала, свернувшись клубком в мехах, разглядывала потолок... И вот — глухой ляг, резкая звенящая трель ключей, и чьё-то ленивое:

— Принесите кресло... поудобнее.

Девушка приподнялась на локтях, морща глаза от серого света. У двери стоял высокий загорелый мужчина, облокотившийся на стену так, будто сам этот мир держится только благодаря его скуке. Чёрные волосы собраны в небрежный низкий хвост. Кожа лица — обгоревшая, местами шелушилась. Руки — обветренные, сильные. А глаза... чёрные и насмешливые, внимательно смотрели на неё. *Красивый. И бесстыдно уверенный в себе.*

Пока Арсин открыл Ане решётку и проводил её за стол, Патрик, красный как варёный рак, тащил огромное нелепое кресло — махину с резными подлокотниками, нежно-розовой обивкой и валиком для поясницы, будто предназначенную для какого-то короля-инвалида.

— Его Сиятельство, Кайл Блэквуд, будет вести ваш опрос, — вежливо представил незнакомца Арсин. «Его Сиятельство» смотрел, как бедный Брат-Хранитель пытается протиснуться через дверной проём, как кресло застрекает, и лишь ухмылялся:

— Чуть левее, брат. Нет, правее. Ещё. Ещё... вот, идеально.

— Благодарю... Ваша... э... светлость... — пыхтел Патрик.

— Выйдите, — приказал герцог, как только развалился в кресле.

Арсин вздрогнул, словно его ударили, но молча поклонился. Патрик засуетился:

— Дверь должна остаться открытой! По правилам допроса! Но я... мы... будем наверху.

— Отлично, — согласно махнул рукой Блэквуд. Аня благодарно улыбнулась Патрику.

Переживает за неё.

Когда служители вышли, и в помещении остались они вдвоём, повисла короткая, почти интимная тишина. Кайл рассматривал варварку с ленивым интересом.

— Вы используете магию, — сказал он без предисловий. — От вас несёт сильнейшей вспышкой.

Аня устало фыркнула:

— О да, пытаюсь. Только выходит криво.

Вдруг Аня достала клочок бумаги, что оставила ей Фиона.

— Мой мозг придумал этот язык, но не понимает его. Что тут написано?

Герцог едва взглянул на клочок и засмеялся.

— Вам советуют бежать. Но это самоубийство, вы читать даже не умеете. Как вы преодолете Колыбель Света?

— Колыбель Света? — Аня слотнула.

— И кто вам дал такого испорченного Переговорщика...

— Да вот, одна особа обменяла на мой чокер...

Мужчина медленно облокотился на ладонь, хищно вглядываясь в лицо собеседницы. Аня в ответ встала со своего скрипучего стула и заходила по комнате.

— Меня зовут Аня... Анна Синичкина. Синичкина — это род. Я из Гильдии журналистов. Я ужасно стара, мне целых 27 лет. И детей у меня нет. У меня третья группа крови. Если обожрешь клубники, будут прыщи... Не знаю, можно ли это назвать аллергией.

— А что за гильдия журналистов? Что они делают в вашей стране? — Кайл Блэквуд, казалось, не против инициативы девушки. Он ничего не записывал, лишь улыбался.

— О! Я вам покажу! — Аня с энтузиазмом достала телефон, включила его и открыла одно из последних видео.— Сохраняю иногда самые забавные...

Девушка положила устройство на стол перед герцогом, он удивленно вскинул брови и внимательно смотрел на новостной сюжет. На экране была сама Аня с микрофоном в руке, позади девушки гигантский столб коричневой массы, бьющий из колодца: «За моей спиной вы видите новый фонтан прямо в центре нашего города. Но жители ему не рады: вонь и...»

— Это что, фонтан из говна? — скривился Его Светлость. Он потянулся к телефону, но девушка его опередила: схватила гаджет и быстро спрятала в шубу.

— Впечатляет, правда?

— Завораживающий... артефакт.

Герцог цокнул. *Хочет её телефон.* Повисло молчание. Такое, что Аня слышала, как в коридоре где-то капает вода. Кайл сидел почти неподвижно, лишь кончиком пальца водил по подлокотнику. Его сосредоточенные размышления выглядели нелепо в обрамлении розового кресла. Аня тихо поднялась, вышла в коридор... посмотрела направо, налево... прошла немного, зашла в какой-то кабинет со столами и полками... и вернулась в комнату.

— Что, не нашли выход? — лениво уточнил Кайл, даже не поднимая глаз.

— Но вы же не советовали мне бежать. А что тогда делать? Мне не нравится ваш мир. Ваши названия дурацкие. Фамилии — туп... Блэквуд. Чёрный лес? Почему вообще на английском?

Кайл наконец поднял взгляд.

— С названиями всё нормально. Это ваш Переговорщик чудит. Вы говорите так же смешно, как и слышите.

Вдруг Кайл стал серьезным, даже обеспокоенным:

— Я советую вам не пить «женское лекарство». Не подходить к красным кристаллам. И... — он пожал плечами, — не ввязываться ни во что. Я бы вас купил прямо сейчас. Но не у кого. Дурак-наместник уехал и будет в пути по меньшей мере две недели.

Аня приподняла брови.

— Я не корова на продажу.

— Вы стоите дороже, — согласился мужчина. — Но у меня нет времени ждать... Откуда вы? Не из страны варваров-летяг... И точно не людоед.

— К счастью, я — не людоед, — фыркнула Аня. Девушка втянулась в разговор — этот герцог забавный. — Я из Саратова.

Ответом был непонимающий взгляд.

— А мне вы можете сказать, где я нахожусь?

Блэквуд вздохнул. Поддел взглядом край стола, будто собирался сказать что-то неприятное.

— Вы в стране, где иногда лучше родиться коровой, чем женщиной.

Прежде чем девушка успела что-либо ответить, Кайл резко потянулся — и выдернул у неё волос.

— Эй! — Аня подпрыгнула. Кайл невозмутимо завернул волос в тонкий тёмный платок и спрятал в карман плаща.

— По волосу можно узнать многое.

Аня сузила глаза. Потом медленно протянула руку..... и столь же резко выдернула волос у него.

— Теперь мы квиты, — заявила она и торжественно затолкала трофей в карман дублёнки. Кайл моргнул. Ещё раз... И улыбнулся.

— Он всё равно седой, — отметил герцог. — Вы оказали мне услугу.

Скрестив руки на груди, Аня фыркнула. Кайл поднялся, на мгновение стал снова очень серьёзным:

— Вам нужно в столицу. Я попробую повлиять, но местные власти... очень неблагонадежны.

Он подошёл к двери и снова цокнул в сомнениях.

— Желаю вам удачи в выживании, Анна Сини...

Он запнулся.

— ... Чика?

— Си-ни-чки-на, — протянула девушка по слогам.

— В любом случае... я не могу задержаться.

Герцог вышел в коридор. Аня прислушалась к звуку удаляющихся шагов, затем вернулась в свою клетку и легла на лавочку. Вот вроде бы и был разговор, а толку никакого. Одна каша в голове осталась и тревога. Тут девушка снова услышала голос герцога.

— У этой женщины сильнейший магический дар. Вам повезло, что она безграмотна. Дождитесь наместника и передайте ему мой наказ: её необходимо отправить в Королевскую Канцелярию, не в Церковную. Только там могут принять верные дальнейшие решения. Утром я пришлю обращение к Брату-Наместнику.

Похоже, теперь герцога сопровождали Арсин и Патрик.

— Ваша Светлость, вы так помогли нам, спасибо вам!

Но на следующее утро никакого письма не пришло. Кайл Блэквуд уехал из Городка Небесного Сияния на рассвете — тихо, поспешно, оставив Брату-Наместнику полную свободу действий.

Глава 4. Грязь в ласковых рассветных лучах

Последнюю неделю Столица жила двумя темами — несчастный убитый лорд и счастливая помолвленная пара. Причём, если в первом вопросе к выходным обсуждать было уже решительно нечего — тело похоронили, теории заговора приелись, а детали преступления закончились, — то во втором, каждый новый день приносил светскому обществу маленькое откровение. Эдвард Стоунфилд и София Фери стали лучшей иллюстрацией, что брак по расчёту может быть удачным. Они будто вышли с обложки журнала о любви и нравственности: были милы, красивы и благоразумно застенчивы. Их видели повсюду вместе: утром — в ботаническом саду, у оранжереи лунных орхидей: он держал её за руку, она смеялась в ответ; вечером — на премьере новой оперы, где София блистала в нежно-голубом платье; на следующий день молодые люди посетили показ мод имперских дизайнеров; а через день — благотворительную выставку собак. Счастливые София и Эдвард с щеночками в руках даже угодили на обложку еженедельной газеты. Эта фотография, как и другие с любимым сыном, была аккуратно вырезана мистером Стоунфилдом и наклеена в секретный альбом, хранимый за огромным томом справочника по алхимии. Вся семья делала вид, что не знает об умильном хобби главы семейства.

Высший свет каждый вечер бурлил, словно варево на медленном огне:

— Какие красивые!

— Созданы друг для друга!

— Как он на неё смотрит!

Поэтому, когда Эдвард внезапно уехал «по делам Церкви» куда-то на Север, светское общество сначала возмутилось... а потом решило, что и это — новый повод восхищаться. Разве мог идеальный Эдвард поступить иначе? Долг превыше всего. Софию жалели ровно один вечер, самый первый. На следующий — заметили, что она похорошела. Всё в ней переменялось после того бала — блеск в глазах стал ярче, щёки румяней, улыбка живее. Из кроткой тихой девушки она превратилась в уверенную, утонченную леди. Как и раньше в разговорах София всё больше молчала, но теперь собеседницы видели в ее манерах уверенность и чувство собственного достоинства. Как знать, возможно, в чем-то они и были правы.

София стала чаще навещать Маргарет — будущей свекрови — и проводила много времени в её ателье-мастерской. Вот и сегодня с самого утра девушка гостила в доме Стоунфилдов. Она приехала к завтраку, и опытная светская львица могла бы предположить, что в отчем доме Софии происходит что-то неприятное, возможно, даже неприличное, что заставило девушку нарушить этикет и появиться раньше назначенного времени. Но Маргарет знала о страстной любви невестки к живописи и лишь довольно улыбнулась, предложив позавтракать вместе.

— Булочки с корицей сегодня особенно удались.

Затем три леди — сама миссис Стоунфилд, ее дочь Мира и София, уединились в светлой мастерской Маргарет. Здесь тихо потрескивал камин, пахло акварелью, мёдом и свежими холстами. У каждой художницы был свой мольберт, и каждая расположилась чуть поодаль от другой. Маргарет стояла у своего холста, иногда подходила к мольберту с образцами и примерами, показывала девушкам особенности передачи цвета. София сидела перед мольбертом — спокойная и ровная. Мира восседала на высоком табурете, как нахохлившийся воробей с кисточкой. Сегодня Маргарет выбрала незатейливый пейзаж: холмистый склон, деревце, осенние листья. Хозяйка мастерской всё больше крутилась вокруг Софии:

— Не обязательно писать как на образце, вы можете добавить нечто своё, дайте свободу воображению...

София смущенно кивнула в ответ, но продолжила вырисовывать листик точно по примеру на большом мольберте. Мира скусающе шаталась на табурете — она ждала, когда её работа подсохнет, чтобы добавить больше деталей, хотя её мастерский пейзаж уже выглядел законченным.

Вдруг дверь распахнулась, Мира аж вздрогнула — в мастерскую редко кто заходил, кроме неё и матери, а уж, чтобы сам отец.

— А я вот решил выпить с вами чаю... — в руках Гарри Стоунфилда действительно была чашка. Мужчина напрямик направился к Софии, полностью проигнорировав по пути мольберт дочери. — Ой, как хорошо получается!

София слегка покраснела и опустила взгляд. Мира едва слышно выдохнула.

— Ну конечно. София прекрасна... — пробурчала она себе под нос.

Тут дверь снова хлопнула — влетел Генри — как будто внёс с собой солнечный свет.

— ГЕНРИ! — Мира буквально подскочила, размахивая листом. — Смотри!

Генри взял лист, выгнул бровь... и расплылся в улыбке.

— Великолепно. Это же печальное дерево. Оно воплощение боли людей! Мира, это глубоко. Это философия.

Мира расхохоталась, откидывая голову назад. Генри шагнул вперёд, легко поцеловал Маргарет руку:

— Рад видеть вас, миссис Стоунфилд.

— Генри, — сдержанно кивнула она, но глаза её потеплели. Она всегда была рада младшему Мэлфю, хотя и делала вид, что не поощряет его общение с сыном и дочерью. Мира закатила глаза:

— Генри, ну, пожалуйста, забери меня отсюда! Мы с Софией обречены сидеть и рисовать до старости. София, скажи же!

София, не поднимая глаз от листа, тихо ответила:

— Мне нравится.

Вместо ответа Мира трагически упала на стул. Мистер Стоунфилд поднялся из кресла и пожал руку Генри, при этом обращаясь к дочери:

— София — прекрасный пример для молодых леди. Тебе стоило бы поучиться у неё манерам.

Донёлся жалобный стон.

— Я бы лучше поучилась чему-нибудь на практике под присмотром мистера Мэлфоя.

Генри не моргнул:

— О, я бы с радостью стал вашим рыцарем, Мира. Сопровождал на балы, в театры... и превращал бы землю под вашими ногами в...

Он шепнул короткое заклинание. Прямо из мрамора выросли и распустились цветы.

— Генри! — счастливо взвизгнула Мира. Гарри Стоунфилд уставился на растения. Искусная иллюзия — хозяину дома такая не по силам, а гость создал её на раз-два.

— Генри... — простонала Маргарет. София машинально подобрала подол, чтобы не зацепить цветы. Генри же поклонился Мире, глядя прямо в глаза:

— Но, увы... — его улыбка на мгновение стала грустной. — Репутация моя такова, что рядом со мной молодая леди рискует быть втянутой во всякие... слухи. Эдвард бы меня убил.

— Тогда утешьте нас и расскажите последние новости. — вмешалась Маргарет.

— А вот это с удовольствием!

Генри расположился на диване рядом с мистером Стоунфилдом и мольбертом Софии. Дамы вернулись на свои места.

— Первая новость, разумеется, самая обсуждаемая: на Севере зафиксирована вспышка сильнейшей магии.

Маргарет тихо приподняла бровь, продолжая писать акварелью. Гарри нахмурился.

— Магии? — переспросил он.

— Не какой-нибудь там бытовой, — Генри сделал жест, будто показывал взрыв. — Бабах такой силы, что Старшие Братья уже шепчутся о... пришествии.

Мира драматично прикрыла рот ладонью. Маргарет остановила кисть. Генри продолжил, уже более серьёзно:

— Но, разумеется, нам ничего не скажут. Где именно — неизвестно. Что именно — непонятно. Было ли хоть что-нибудь — тайна. Но вот что известно точно: Эдвард поехал именно туда. На Север. Так что, София... — он чуть наклонился и, будто невзначай, коснулся её пальцев, — Ваш жених — в самом сердце загадки.

София мгновенно отдернула руку, словно от ожога. Генри заметил реакцию, но сделал вид, будто ничего не произошло.

— Ладно, вторая новость. Мой... — он почти скривился, — отец устраивает бал.

Маргарет сдержанно кивнула. Гарри одобрительно хмыкнул — он получил приглашение судьи Мэлфоя. Генри выдержал паузу:

— Я не приглашён. Снова.

Мира прыснула. Никакая это не новость: все знали о тяжёлых отношениях отца и сына Мэлфоев. Неудивительно: редкого таланта, могущественный маг, Генри полностью испортил свою карьеру глупыми выходками.

— И вам, друзья мои, — продолжил Генри, — туда лучше не ходить.

На этот раз ответом сплетнику была тишина. Маргарет опустила глаза, конечно, она в такой день не отправится на бал и мужу не позволит. Выждав мгновение, Генри откинулся назад и понизил голос:

— Ну и третья новость. Страшная, но зато свежая — всего час как.

Мира перестала болтать ножкой. Гарри поставил чашку на столик.

— На Первого министра напали.

— Что? — выдохнула Маргарет.

Генри кивнул:

— Министр утверждает, что это были варвары. Пробрались в его поместье. Но один из свидетелей видел... — он замялся, театрально нахмурившись, — пышные юбки на нападавшей.

Гарри побледнел и даже как будто разозлился. Генри поспешно продолжил:

— Министр жив. Но вот крови в его кабинете — словно убили как минимум трёх человек. Возможно, стражу. Возможно... — он сделал паузу, — кого-то ещё.

— С этого и нужно было начинать!

Гарри Стоунфилд поднялся — так резко, что его кресло отъехало назад и ударилось в мольберт Миры. Лицо хозяина дома стало каменным. Он едва поклонился Маргарет... посмотрел на Софию... затем на Генри... и быстрыми шагами вышел из мастерской. Дверь за ним закрылась с щелчком как удар печати. Наступила тишина, только цветы с тихим шуршанием, медленно растворялись в воздухе.

— И это после смерти Лорда Пенебли... — чуть слышно прошептала миссис Стоунфилд.

— О, кстати, о нём! Самая популярная версия — месть его последней наложницы. Он сослал бедняжку к границам... кхм... на службу.

Генри смущенно взглянул на Миру. Та сделала вид, что ничего не услышала, сосредоточенно выводила линии в углу пейзажа.

— Как подло! — вздрогнула Маргарет.

Генри выдохнул. Настроение его, казалось в секунду переменялось, в движениях проявлялись усталость и раздражение.

— Пожалуй, и я пойду. Только омрачил ваш день.

Маргарет положила кисть и тихо сказала:

— Мы вам всегда рады.

Генри уже почти дошёл до лестницы, когда сзади раздались быстрые шаги.

Мира догнала его, в руках держала лист с пейзажем.

— Подожди!

Она протянула рисунок — «печальное дерево», только теперь в уголке крошечная подпись «Мира».

— Возьмите. Это вам.

Генри моргнул — Мира снова перешла на официальное обращение. Мужчина аккуратно, бережно, сложил лист и спрятал во внутренний карман камзола.

— Если кто-нибудь из слуг это увидит, — усмехнулся он, — получим такие слухи, что твой отец меня на площади повесит.

Мира покосилась на него снизу вверх:

— А Софию за пальцы трогать — это, значит, никто не заметит?

Генри почти восхищенно улыбнулся:

— Это просто София. А ты... — он замолчал, и на мгновение вся его лёгкость куда-то исчезла. Он смотрел на Миру не как весельчак, не как знаменитый соблазнитель, а как старший брат.

— Тебя нужно беречь, — тихо сказал он. — Ты как ветерок... прекрасный и свободный.

— Как же сохранить свободу безопасно?

Мира холодно улыбнулась. Она больше не жеманничала, не вертелась, стояла как статуя с надменным взглядом.

— Ты думаешь, я всё ещё ребёнок?

— Я думаю, — он говорил неожиданно серьёзно, почти резко, — что если хочешь не сломать свою жизнь... тебе нужно вырасти и полюбить кого-то, кто сможет дать будущее.

Он отвернулся — будто это признание стоило ему усилий. Мира шагнула ближе. Ни обиды, ни упрёка, ни попытки встать в позу. Просто тихий, взрослый голос:

— Я вижу, что ты уже давно не живёшь, Генри. И конечно... я себя хоронить не собираюсь.

Генри замер. На его губах появилась улыбка.

— Вот и умница, — прошептал он. Мужчина поклонился ей легко, элегантно, и быстрым шагом ушёл вниз по лестнице.

Генри Мэлфой действительно не был приглашён на бал. Но повеселиться он собирался отменно. Не просто повеселиться — оторваться. Так, чтобы забыться. Чтобы не помнить ни себя, ни своего отца, ни всей этой проклятой реальности.

Теперь, когда рядом не было душнила Эдварда с его вечными взглядами осуждения и разочарования, можно наконец позволить себе рухнуть вниз, на самое дно, где нет ни совести, ни вины, ни памяти.

Томас и Питер уже ждали в «Лисьей яме» — баре, куда не заглядывало приличное общество даже днём. Воздух здесь был густым от табачного дыма, дешёвого парфюма и приправ.

— Мэлфой! — Томас распахнул руки, как будто встретил героя войны. — Где тебя носит, таш² дери?

— Где-то между жизнью и желанием забыть о ней, — отозвался Генри, бросив на стойку монету. — Мне самое крепкое. Из того, что ещё не убило никого сегодня.

² Таш — маленький зверёк, похож на обезьянку, обладает способностью генерировать молнии. Больше о них в интерлюдии «Запретное чтение»

Питер прыснул. Бармен подал стакан с темной жижей и поспешил отойти.

— Сегодня мы отдыхаем по-настоящему, как мужчины, — Томас хлопнул Генри по плечу. — Никаких заморочек. Никаких приличий.

Генри лениво усмехнулся. Затем он и пришёл.

— Тогда предлагаю пари, — сказал мужчина, крутя бокал в пальцах. — Как в старые добрые времена.

Томас и Питер оживились — запахло разбойничьим азартом.

— Кто первым поднимется наверх... — Генри со значением кивнул на лестницу, где тусклые лампы освещали коридор с комнатами.

Питер покраснел, но не стал возражать — он всегда плыл по течению, которое задавал Генри. Томас добавил, хмыкнув:

— ... тот не платит за ночь. Остальные — за его развлечения. Как раньше.

— Есть условие, — сказал Генри тихо, почти лениво, но в голосе было что-то хищное. — Никаких гетер.

Томас поднял брови.

— Принцессы, значит?

— Любая, — Генри облокотился на стойку, глядя в мутное зеркало за баром, где отражалось его собственное лицо — красивое и молодое.

— Хоть баронесса, хоть кухарка. Но не гетера.

Питер присвистнул.

— Ты с ума сошёл.

— Я хочу... повеселиться, — ответил Генри, медленно усмехаясь. — Всё остальное не важно.

Томас протянул руку:

— По рукам, Мэлфой.

Генри пожал её, не меняя выражения лица. Он прыснул от испуганного вида Питера.

— С такими глазами, как у тебя... — он ткнул пальцем в друга.

— ...от тебя не то. что женщины, мыши бы разбежались.

Питер вспыхнул до корней волос.

— Я... я просто нервничаю...

— Нервы ни к черту, господин полицейский комиссар. Выпей. — Генри махнул бармену. Тот поставил перед Питером мутный стакан.

— Залей свои страхи, дружище.

Питер послушно сделал глоток, скривившись так, будто проглотил кислоту. Генри засмеялся — низко, с каким-то почти ласковым пренебрежением. А сам он уже смотрел по сторонам. Зал был тёмным и дымным. Гетер видно сразу. И видно, что ни одной хотя бы из «среднего дома» — всё низшие, те, кто приходит из государственных приютов, у кого нет покровителей, кому деваться некуда. Куда продали их родители, сёстры, братья. Куда выкинули их покровители, наигравшись вдоволь.

Он медленно провёл взглядом по залу. Есть совсем молодые. Сидят по углам, словно торшеры. Страх от них шёл почти осязаемый. Генри задержал взгляд на одном лице — бледном, с большими лихорадочными глазами. Та девочка смотрела на руки, вытирая пальцы о подол. Он почувствовал, как что-то животное внутри шевельнулось... И тут же оттолкнул мысль. Слишком просто, да и она уже гетера, судя по метке на запястье.

— Ну и задачка... — хмыкнул Томас. Он указал подбородком на женщину у дальней стены. Дама средних лет, очень прилично одетая для такого места. Темные волосы убраны в аккуратный пучок, на носу очки, в руках — блокнот. Она выглядела так, будто зашла сюда по ошибке, приняв «Лисью яму» за архив или неудачно расположенную библиотеку.

— Похожа на гувернантку, сбежавшую с тоски, — усмехнулся Томас, потирая руки. — Позвольте, господа, я начну игру.

И с преувеличенной галантностью, почти пританцовывая, он направился к женщине. Генри не сводил взгляда. Незнакомка подняла глаза — спокойные, чуть удивлённые, не испуганные. Не гетера; не пьяная; не ищущая приключений. Опасная цель для того, кто не умеет останавливаться. Генри хищно усмехнулся. Странная. Эта женщина — тайна, а на решение тайн нужны силы. Сегодня молодой человек не был готов к ребусам.

— Я выйду. Проветрюсь, — бросил он Питеру, который уже начинал покачиваться на стуле.

Холодный ночной воздух ударил в лицо. Генри прислонился к грубой каменной стене, взмахнул рукой и в ней появилась сигара. Трюк, который теперь мало кому подвластен. Взгляд мужчины автоматически скользнул по узкой, грязной улочке. Именно тогда он увидел её.

У повозки неподалёку стояла девушка — совсем тонкая, хрупкая. Лицо бледное от холода, руки маленькие, но уверенно цеплялись за края тяжёлых ящиков. Она едва удерживала их, но упорно тянула на себя, будто боялась задерживаться хоть на секунду.

Генри наблюдал молча. Минуту. Другую. И заметил главное — на запястье нет метки.

Девушке на вид около двадцати — почти взрослая женщина. Церковь уже должна была определить её Гильдию. Должна была... но не определила — странно. Но, значит, точно не гетера.

Один из ящиков выскользнул из её рук. Девушка ойкнула — ящик полетел вниз. Генри успел подхватить его буквально в последний миг. Так нежно, легко, будто это был не ящик, а шляпка.

— Осторожнее, красавица, — улыбнулся он своим лучшим «невинным» выражением.

— Так можно и кого-нибудь убить.

— Простите-простите! — девушка захлопала ресницами, испугавшись. — Я просто... я не успеваю...

— Всё хорошо, — успокоил он, словно добрый старший брат. — Помогу?

Она колебалась ровно секунду. Он взял два ящика сразу — легко, играючи — и понёс к двери, будто делал доброе дело. Девушка смотрела на него уже иначе. С благодарностью. Она смеялась, когда он отпускал невинные шутки. В ответ рассказала о своих планах на будущее: мечтала изучать магию, но не в роли гетеры. Неслыханная дерзость.

Разгрузка закончилась и Генри кивнул в сторону бара:

— Идём. Познакомлю тебя с друзьями. Раз ты хочешь учиться магии, тебе будет полезен мой друг. Он инженер артефактов.

— В бар?.. Но... мне нельзя... там мой отец.

— Так даже лучше, он за тобой и присмотрит, — мягко подбодрил Генри. — Инженер сегодня с дамой сердца. Другой... — уголок губ Генри дрогнул, — не обессудь. Он рыжий. У него день рождения. И он полицейский...

Девушка смутилась. Прикусила губу. Генри знал, что нужно просто выждать. Ей будет неудобно отказать, ведь он только что ей помог, был так добр, красив и вежлив как никто в её мире. Всё это её обязывает. Он — мужчина, он — старше, он — выше по положению. Он — маг. Зайти в опасную неизвестность для неё сейчас проще, чем сказать «нет» и почувствовать себя хамкой.

Наконец, девушка кивнула и последовала за Генри. Мужчина галантно придержал дверь. Внутри вошёл с тем самым мягким, спокойным выражением на лице, которое никто бы не назвал хищным. Он взглядом нашёл своих друзей. Те уже переместились за столик. Томас сидел в сопровождении Дамы. Она держалась прямо, уверенно, и встретила Генри взглядом человека, который прекрасно понимает, куда попал и кто тут опасен.

— Друзья, — мягко сказал Генри, подтолкнув девушку вперёд. — Это Виолетта. Томас — инженер, и Питер — именинник.

— Добрый вечер, — сказала первой Дама, чуть кивнув. Виолетта смутилась и улыбнулась. Томас расплылся в ухмылке. Питер же развалился на стуле, пьяный до невозможности, и, увидев девушку, всхлипнул:

— Я... я так не отмечаю дни рождения... мне очень стыдно... прости...

Он явно пытался кланяться сидя. Генри хмыкнул, отмахнувшись:

— Питер, не позорься.

Генри подтолкнул Виолетту к свободному месту, сам сел рядом — почти вплотную — и сказал самым тёплым, бархатным голосом:

— Виолетта — несомненно, чудо. В ней есть сила. Уникальная. Она отпросилась у отца, чтобы пройти распределение не в шестнадцать, как все, а в двадцать один. Чтобы до конца раскрыть дар. Изучать магию. За это она пашет здесь, как проклятая, — он провёл пальцем по её плечу, — чистое, прекрасное создание, которое знает, чего хочет.

Дамочка наклонила голову, вежливо заинтересовавшись:

— Сила, говорите? Покажите.

Виолетта моментально покраснела, но послушалась — конечно, послушалась. Воспитанная девушка. В её ладонях вспыхнул мягкий золотистый свет. Лечебный, почти ангельский. Магиня смотрела на огонёк так, будто показывала что-то интимное, личное. Дама удовлетворённо кивнула.

— Не боитесь магии?

— Немного, — тихо сказала Виолетта. — Но если я хочу благословения Церкви... нужно упражняться.

— На что? На брак с женщиной из знати? — сухо усмехнулась женщина.

Виолетта дернулась как от пощечины. Но Генри обнял её за плечи — мягко, успокаивающе:

— Нет-нет. Виолетта будет учиться. Магия сейчас редкость даже у мужчин. Церковь делает исключение и позволит ей обучаться.

Мужчина почти мурлыкал. Он облокотился на стол — но взгляд ускользнул туда, куда нужно. За стойкой стоял трактирщик — толстый, мрачный, со сбитыми костяшками. Он смотрел на них, не мигая. На Виолетту и на её сияние. На руки Томаса. На взгляд Генри. Глаза мужчины были оценивающими, он словно прикидывал, сколько можно получить и сколько потерять.

Генри медленно, очень медленно, повернул к нему голову и улыбнулся. Улыбкой человека, который знает — отец ничего не сможет сделать. Генри моложе, красивее, сильнее, он маг, он благородный. И папаше придется согласиться на любую цену. Отец Виолетты дёрнул щекой и резко отвернулся. А Виолетта этого не заметила. И даже если бы заметила — всё равно бы не поняла. Она с инициативой подхватила мысль Генри и стала объяснять даме как собиралась стать исключением в мужской Гильдии Магии.

В ход пошло вино. Хорошее — самое дорогое, какое здесь вообще подавали. И закуска. Деликатесы, которые Виолетта видела только на праздничных витринах. Платил Питер — ведь очевидно, что он уже проиграл. Генри вдруг поднялся, протянул руку Виолетте:

— Потанцуем?

Она покраснела — почти по-детски — и позволила ему вывести себя в центр зала.

Генри прошептал заклинание и заиграло что-то тихое, почти нежное. Теперь уже и гетеры смотрели на танцующую пару с интересом, почти с завистью.

Виолетта впервые в жизни танцевала не с отцом, не с братьями — а с настоящим, взрослым, красивым мужчиной. С магом. С благородным. Страх растворился, как сахар в горячем

чае. Виолетта смеялась, когда он кружил её. Ела всё, что хотела — и Генри шутливо требовал выбрать «ещё». Он говорил ей комплименты, которые никогда раньше она не слышала.

Рассказывал о Гильдии Магов — так, будто всё возможно. Объяснял как правильно заполнять тетради с упражнениями. Когда в таверну забрела старуха с цветами, Генри выкупил все букеты, не торгуясь. Торжественно вручил охапку девушке.

В какой-то момент Виолетта почувствовала: это самый счастливый вечер в её жизни. И когда его рука легла на её талию... она не вздрогнула. И когда он провёл пальцем вдоль её щеки... она только смущённо улыбнулась. И когда он потянул её к лестнице на второй этаж — она не испугалась. Она вообще не думала. Ей было так приятно ощущать свою ладонь в его сильной руке.

Коридор был тёмным. Его шаги — уверенными. Он остановился у дверей, наклонился к ней, покрывая её лицо поцелуями. Она опять рассмеялась нервно, но искренне от непривычности приятных прикосновений. Затем он потянул её в комнату, там было жарко, даже душно. Виолетта уже еле держалась на ногах.

Его пальцы коснулись завязок дешёвого корсета — она дернулась. Слабо. Как будто была неуверенна в собственном праве сопротивляться. Генри замер ровно на секунду. Знал, что сейчас решает он, не она. Мужчина посмотрел на неё внимательно, запоминая каждую черту её красивого лица.

— Тише, Виолетта... Всё хорошо. Со мной — всегда всё хорошо.

Он стащил с себя камзол и из внутреннего кармана выпал рисунок-подарок Миры. Генри неловко отшвырнул его ногой и начал покрывать поцелуями шею Виолетты. Несчастливая стояла, не зная, куда деть руки. Не в силах понять: это правильно? Это стыдно? Это опасно? Это... норма? Она снова нервно засмеялась...

Генри бодро спустился по лестнице. Он торопился вырваться наружу, в ночь, на холодный воздух, чтобы не слышать собственных мыслей. Он уже направился к двери, но за спиной раздался пьяный вопль Томаса:

— И во сколько нам обошлось твоё развлечение?!

Генри обернулся лениво, будто его спрашивали о цене вина, а не о судьбе человека:

— Двадцать тысяч.

Томас подавился воздухом.

— Двадцать тысяч за ЭТУ девку?!

— Двадцать тысяч я оставил ей на комод, — ровно ответил Генри, так, чтобы слышал трактирщик. — А ты сейчас пойдёшь и отдашь ещё двадцать её отцу. Вон тому господину.

Он небрежно указал перчатками на стойку. Томас перевёл взгляд на бар, обратно на Генри, осознал что происходит — и его охватило дикое восхищение.

— Так всё это время здесь был её отец?! — восторженно прорычал пьяный друг. — За такое я заплачу. Ты мерзавец! Ты переплюнул сам себя!

Он хлопнул Генри по плечу. Тот открыл рот, чтобы ответить — но Томас взвыл ещё громче:

— А знаешь, кто эта дама?!

Он показал на женщину с блокнотом — ту самую, что сидела рядом с ним.

— Она — подбирает леди для Домов Гетер! — Томас почти подпрыгнул от восторга. — Очень удачно всё складывается! Очень удачно!

Женщина подняла глаза. Улыбка её была тонкой, профессиональной, словно она уже заполняла анкету в уме:

— Я с удовольствием позабочусь о девочке, — кивнула она. Генри бросил яростный взгляд на трактирщика и всё понял: не тянул отец ещё один год до распределения дочери.

Генри только оказал услугу старому лису. Питер, который до этого лежал лицом в стол, вдруг дёрнулся. Поднял голову. Глаза красные, губы дрожат.

— Вы... вы монстры... — прохрипел он. — Я вас всех посажу... всех! Я женюсь на ней!

И согнулся пополам, издавая рвотный звук. На пол хлынула грязная жижа. Томас отшатнулся, дама брезгливо поджала губы.

Генри молча развернулся и вышел. Дверь «Лисьей Ямы» хлопнула за его спиной.

Сколько он бродил по ночной Столице, шатаясь так, словно город под ним качало? Казалось, вены пульсировали алкоголем. Пахло мокрым камнем, дымом, дешёвой жареной рыбой, а ещё — свободой. Темной, давящей свободой, что другие называли бы одиночеством.

Он пил в каждом тёмном закутке, где вообще могли что-то налить. Смеялся сам себе. Спотыкался. Орал на псов, что тьякали на углах. Бормотал заклинания, сотворяя вокруг себя звёзды, музыкантов и даже слонов. Он был могущественным магом, ему не нужно было «подзаряжаться» у красных кристаллов. Прохожие шарахались от Генри как от прокаженного, а он в ответ кричал им комплименты. Все эти «игры», все эти «смешные» решения — перестали работать. Не забили боль. Не заглушили пустоту.

Когда очередная бутылка закончилась, Генри бросил её в стену и пошёл туда, где не был десять лет. Дом. Кладбище счастливых воспоминаний и страшных откровений. Где сегодня, прямо в день смерти собственной дочери его отец устроил бал.

Пальцы сами постучали по массивной двери. Генри не хватило смелости просто открыть — хотя у него был собственный ключ. Он стоял, дыша тяжело, как будто поднимался на гору. Дверь распахнулась.

— Господин Генри?.. — дворецкий побледнел так, будто перед ним стоял призрак. — Бал закончился несколько часов назад...

Генри молча оттолкнул его плечом и прошёл внутрь. Половицы тихо застонали под его шагами. Дом казался чужим, холодным, вычищенным до стерильности.

— Он где?

— В кабинете был... но...

Генри не слушал. Пошёл наверх. Каждая ступень будто пыталась вернуть его назад, Генри страшно мутило. Но он вцепился в перила и поднялся. Дверь кабинета была приоткрыта.

— Отец... — голос хрипел. — Я пришёл сказать тебе... Что я всё расскажу. Всё, как было.

Он с силой толкнул дверь. И увидел: стол перевернут, чернила расплесканы,

книги в хаосе валяются на полу. И тело — опрокинутое в кресле, голова на бок, глаза открыты. Кожа уже серела.

— Нет...

Генри подошёл ближе, словно не верил, словно думал, что ему пьяному это мерещится. Но тело не исчезло. Генри тронул шею — холод. Попытался выровнять голову — та безвольно откинулась.

— НЕЕЕЕТ!!!

Крик вырвался так громко, что эхо ушло по всему дому. Через минуту в коридоре раздались быстрые шаги. На пороге появилась женщина — темная копна волос с поседевшими прядями, испуганные карие глаза. Генри был так на неё похож, что у любого не возникло бы сомнений в том, что это его мать. Женщина приложила руку к губам.

— Генри?...

Она увидела чудо — увидела ребёнка, который исчез десять лет назад. Их взгляды встретились. В её глазах — шок, облегчение и боль. В его — ужас, вина, пьянство, смерть, которую он трясушимися руками пытался оттолкнуть. Она сделала шаг к сыну, будто боялась спугнуть.

— Генри, мой мальчик...

А он стоял, не в силах даже выдохнуть, над телом отца, которого пришёл обличить, возможно даже наказать, а нашёл — убитым.

Глава 5. Невеста исполняет обещанное

Целый месяц Аня жила в здании управы, словно бродячая кошка, которую зачем-то приютили: братья заботились о ней, но всё-таки побаивались.

Дни были похожи друг на друга, как высотки в спальных районах. Утром Аня выходила в коридор управы и делала небольшой обход. После обхода был завтрак — всегда одинаково простой, но утешающий в своей предсказуемости. Утренний туалет занимал целый час. И не потому, что Аня любила нежиться в ванной, здесь её и не было, — просто скудные удобства превращали базовую гигиену в квест. Аня бережно хранила свой единственный крем для рук, как сокровище. Стала заваривать травы и умываться отварами.

А ещё каждый день Аня занималась гимнастикой и йогой — единственное, что напоминало о прежней жизни. Иногда Патрик заглядывал в дверной проём и поражённо удивлялся, как она делает «что-то странное с руками и ногами».

Когда выпадала возможность Аня изучала быт управы. Она нашла что-то вроде нагревателя — гибрид печи и магического прибора. Конечно, разобрала его. Никакого электричества, просто внутрь был вставлен красный кристалл, дающий стабильное тепло. В маленькой кладовой обнаружила полку с кристаллами, были тут и маленькие камешки и с голову.

Временами городок трясло, не сильно, только мелкие предметы падали. Арсин проговорился, что землетрясения начались, как только в город вошла Анна и местные жители уже окрестили её ведьмой. Девушка отмахнулась от обвинений.

— Но мы приехали вместе: с вами и Фионой. Почему виновата я?

Вечерами Аня расспрашивала Патрика о том, как устроена Империя. Ночью, когда всё в управе затихало, девушка упражнялась в магии, но все её способности как будто бы исчезли. Иногда девушка часами сидела и гипнотизировала какой-нибудь предмет, но ничего не происходило. Правда, время от времени, она улавливала речь на знакомом языке — из её мира. Обычно это происходило прямо перед сном и эти моменты укрепляли уверенность в том, что всё происходящее вокруг — выдумка больного мозга.

Письмо от герцога Блэквуда так и не пришло. Но после его визита кое-что, да изменилось. Арсин стал относиться к варварке так почтительно, будто она уже получила благословение Верховной Канцелярии. Он сам, один, притащил ей кровать — тяжёлую, деревянную, с новым матрасом. Переставил лавку к стене, долго двигал её, чтобы та не шаталась. А затем принёс первый магический артефакт девушки. Светильник: как керосиновая «Летучая мышь», только внутри не фитиль, не лампа, а просто сгусток света с легким голубоватым оттенком.

— Если нужно сделать ярче или слабее свет, то дотроньтесь до неё и подумайте об этом.

Игрушка заняла девушку аж часа на три. Понравилось ей, что хоть что-то в это мире полностью понимает ее мысли.

Патрик остался собой: наивным и разговорчивым. Он ежедневно приносил девушке газеты, журналы и томики со священными писаниями. Это очень бы пригодилось, если бы она умела читать. Увы, но жук исправляться не собирался и девушка так и осталась где-то между знанием и незнанием местного языка. Когда она наконец сообщила об этом Братьям, то Арсин не скрыл усмешки, а Патрик вызвался заниматься с ней грамматикой. Признаться, она надеялась, что просто дадут другого жука, хоть ощущения от первого ещё не выветрились.

Со своим положением Аня смирилась. Даже если всё вокруг — кома, то она максимально реалистичная. Здесь больно, холодно, голодно, скучно — всё как в обычной жизни. А значит... нужно учиться жить в новой реальности. И она оказалась... ну, так себе. Герцог был прав: тут действительно лучше родиться коровой, чем женщиной.

Первое, что по слогам прочитала Анна, лёжа в своей новенькой удобной кровати под светом магического светильника, было сказание «О женском падении». Легенда эта, как поняла Аня, служила фундаментом местной религии. Если кратко, то три века назад, могущественные женщины-маги так возгордились своей силой, что прогневали самого Бога — Единого. Тот обрушил на них проклятье: наслал болезнь. Мужчины взмолились за своих матерей, сестер, дочерей и жен и Единый позволил найти лекарство, что вынуждены теперь пить женщины Империи каждый день.

— А из-за чего именно разозлился Единый? — спросила в один из дней Аня у Патрика. Брат на корточках мыл полы в допросной. Решетчатая дверь в камеру теперь обычно была открыта, но девушка предпочла оставаться на кровати.

— Они решили, что сами как боги... — затараторил пунцовый от усилий Патрик. — Делали храмы во имя каких-то странных явлений, а не Богам. Перестали заводить семьи и...

Парень с тяжелым вздохом скрутил грязную тряпку над ведром.

— И людям приходилось даже жить до ста пятидесяти лет, ведь детей было меньше.

— А теперь вы преспокойненько умираете в пятьдесят? Потому что «пора»?

— Бывает и в сорок...

— Звучит так, Патрик, что раньше здесь была цивилизация и наука, а сейчас... — Брат-Хранитель поднял голову, явно приготовившись оскорбиться, и Аня не стала заканчивать мысль.

— Мы же в магическом мире... Империи... — вздохнула она. — Почему ты не произнесёшь заклинание и не заставишь тряпку делать всё самой?

— Очень немногие владеют настоящим даром. — серьезно ответил Патрик. — На всё мудрость Единого.

— Тогда давай я немного помогу.

— Будем мыть вместе? — радостно заулыбался Патрик.

— Ну, уж нет, — отрезала Анна. — Во-первых, давай изобретем с тобой швабру. Палку для тряпки.

— А... Есть у нас такие, но мне удобнее и быстрее руками.

Но Анна не унималась: она нашла несколько ведер разного размера. Они стали основой для устройства отжима без рук. Тряпки она порвала на лоскуты и прикрепила к местной швабре. Пока девушка всё это мастерила, наступил вечер и уборка давно была закончена. Уставший Патрик едва ли взглянул на изобретение. Аня не обиделась, она знала: каждому изобретению — свой звездный час. С чувством выполненного долга девушка вышла подышать в закрытый двор управы. За Аней давно никто не следил и, если бы она хотела, то могла бежать. Но куда бежать? Зачем?

Небо заволкло огненным заревом, сливаясь с красным светом от кристаллов. «Закат — он везде прекрасен», — подумалось, как вдруг Аня обратила внимание на странность небо-свода. Девушка резко вскочила и побежала в кабинет, где видела Патрика. Парень заснул в кресле с книгой в руках.

— У вас, что ... два Солнца? — Аня не сжалась над сном Брата-Хранителя.

— Три! — резко вскочил Патрик.

Как ни пыталась Аня добиться от Патрика более-менее внятной схемы их звёздной системы, Брат упорно рисовал на обрывках бумаги нечто подозрительно похожее на алхимические печати.

— Это солнце? — спрашивала Анна, глядя на круг, обведённый треугольниками.

— Нет. Это символ силы Единого, — важно объяснял Патрик.

— А это что? Планеты.

— Это... э-э... стихии.

— А где сами ваши три солнца?

Патрик задумался, почесал щёку и нарисовал ещё один треугольник.

— Это нам в школе объясняли, — сказал он с уверенностью человека, который абсолютно ни в чём не уверен. Аня уставилась на лист и вспомнила схему власти, которую Патрик нарисовал вчера — такие же каракули.

— Понятно, — наконец, вздохнула она и вернулась в свою «комнату». Она ходила по полу босиком, прикидывая: может, эти три солнца и создавали какую-нибудь особую «физику». Может, магия — всего лишь побочный эффект давления, радиации, чего-нибудь странного и космического? Вот тебе и разгадка. Всё-таки с каждым днём теория о собственной коме таяла. Но и теория о параллельном мире или просто другой планете не внушала надежд. Аня уже расспрашивала Братях о путешествиях между мирами и те её просто не поняли. Телепорты переносят между городами, особо мощные между странами, но за пределами Кристальной планеты, разве может быть там жизнь? Ни о каких «пришельцах» из других миров Братья тоже не слышали. А желание отправиться в другой мир и вовсе приняли за суицидальные наклонности.

Девушка с досадой швырнула толстенный том «Сказаний о Благочестивых Женах» на каменный пол. Книга шлёпнулась с самым обычным, скучным глухим стуком. Сила притяжения работала «по Земному».

На следующее утро Аня попросила Патрика:

— Возьми меня с собой в город. Если у тебя будут дела. Мне нужно... ну... понять, где я живу.

Патрик просиял:

— Я спрошу у брата Арсина! Может, можно. Может, и нет. Но я спрошу.

И с таким благоговением произнёс «спрошу», будто собирался просить у короля разрешения вынести мусор. К удивлению Ани, Арсин согласился. Видимо, рассудил, что под прищелком Патрика и на виду у всего города она вряд ли сбежит или натворит чего. Да и куда, собственно, бежать варварке, не знающей языка?

После обеда они вместе с сияющим от какой-то непонятной радости Братом-Хранителем вышли из здания управы — впервые за долгое время днём. На небосводе Аня увидела только одно солнце.

— А где остальные два?

— Они показываются в нужное время, — отрезал священнослужитель, омрачившись. Не только Аня размышляла всю эту ночь.

— Мы идём в школу для девочек, она обычная, городская, для совсем простых девочек, которым разрешили учиться. — переключился на объяснения Патрик.

Анна для себя перевела: для бедных.

— Я иногда помогаю им, — продолжал он. — Таскаю, что попросят. Чиню... Доставляю. Это... ну... доброе дело.

Аня была слишком занята разглядыванием города, чтобы ответить. Впервые она видела мир не через решётку и не во время ночных вылазок в коридор. Не считая первой ночи в городе, но тогда она увидела совсем чуть-чуть.

Городок был серым и давящим. Каменные дома, кое-где даже с украшениями в виде резных фигурок. На массивных деревянных дверях — выжженные или высеченные магические символы, похожие на те, что рисовал Патрик. Красный свет от кристаллов бликами ложился на талый снег даже днём, придавая окружающему болезненный, воспаленный оттенок. Женщины и мужчины в одинаковых мехах. Женщины на пути попадались сплошь покалеченные, сгорбившиеся, с шрамами, иногда с сыпью. Аня старалась не пялиться и все же взгляд сам собой тянулся к изможденным лицам.

Система власти в одежде не проявлялась. Аня не увидела ни шапок боярина, ни особых платков, ни колец, ни каких-то знаков — ничего, что указывало на статус или роль. Дети — худые, шумные, как воробьи носились по улицам, не обращая внимания на кареты с лошадьми,

но как только увидели чужестранку, остановились словно вкопанные и зашептались. Аня робко улыбнулась им и ребягня засмеялась в ответ. Без злобы и насмешки, а из чистого любопытства.

Не только дети так отреагировали на варварку: всюду встречали настороженные быстрые взгляды — изучающие, оценивающие и пугливые. Девушка явно выделялась своей огненной копной волос, ростом и уверенной походкой. Перед Патриком же местные замирали в поклоне, бормотали: «Благослови, Брат».

— Принесла беду нам... и выглядит как огнеголовая... — услышала вдруг Аня позади. Обернулась: с лопатой у покосившегося дома стоял пожилой мужчина. Скрюченный, с желтоватой кожей, он злобно смотрел прямо на девушку. Патрик заметил и подтолкнул спутницу вперёд.

— Не обращайтесь внимания, сестра. Это глупые суеверия. Землетрясения случаются в наших краях.

— Им не нравятся рыжие волосы? — Аня подозревала, что переговорщик буквально перевёл какое-то местное ругательство.

— Огнеголовые — древний народ, — брат-хранитель отчего-то смутился.

Наконец, Патрик и Аня подошли к невзрачному одноэтажному каменному зданию. Оно выглядело не хуже, но и не лучше остальных домов городка — такое, что терялось бы из виду, не будь во дворе ряда странных деревянных фигур. Тотемы, вырезанные грубыми инструментами: какие-то птицы, женщины с крыльями, мужчины с факелами. Аня замедлила шаг, но спросить о них не успела. Задумчивый Патрик обернулся так, будто хотел о чём-то предупредить девушку, но не нашёл слов. Он только почесал нос рукавом и поспешил вперёд.

Внутри школа оказалась ещё проще. Узкий коридор, впереди большая застеклённая веранда с видом на сад и две комнаты: налево и направо. В обе вели двустворчатые распахнутые двери.

Справа виднелась столовая: несколько низких столов, лавки, кое-где стулья и мягкие диваны, вытянутые вдоль стены — словно из другого мира, слишком изящные для такого учреждения. В углу возвышалась стойка, а за ней ещё одна дверь, наверное, в кухню.

Слева по коридору располагалась классная комната. Там как раз шёл урок — только начался, судя по тому, как девочки удивительно ровно сидели, почти по-солдатски, в одинаковых шерстяных платьях. У доски туда-сюда прохаживалась девушка — лет восемнадцать, не больше. От неожиданности Анна даже замерла. Учительница была так красива: рыжие волосы, как осенний огонь, мягкие веснушки по переносице, карие глаза — тёплые, почти сияющие. Она была очень похожа на Патрика, но при этом невероятно привлекательна. Аня сразу поняла, что она — сестра Брата-Хранителя.

Патрик застыл у порога, облокотился на косяк. Он смотрел на девушку и тепло улыбался. Аня чуть подалась вперёд, вслушиваясь.

Учительница снова сделала пару мягких шагов вдоль доски, её рыжие волосы вспыхнули в свете окна, она указала мелом на написанное слово. Анна сразу узнала его — то самое, которое жук переводил как «призвание», «предназначение», «судьбу»... всё сразу.

— Девочки, — произнесла она спокойным, ободряющим голосом, — скоро каждая из вас пройдёт Ритуал Определения призвания. (Жук, видимо, снова перевёл буквально.)

Учительница тепло улыбнулась:

— И каждая из вас попадёт в ту Гильдию, что лучше всего подойдёт вашей душе и вашим силам.

В первом ряду поднялась маленькая рука.

— Да, Мила?

Девочка смущённо теребила край рукава.

— А... я не буду проходить ритуал в четырнадцать... Папа сказал, что только в двадцать. Учительница многозначительно кивнула, будто это объясняло сразу много.

— Так бывает, — мягко ответила она. — Ваш отец, или... — она чуть замялась, — будущий муж, могут оплатить вам стандартное обучение до двадцати лет. А уже потом попросить у Единого знака.

Аня побледнела. «Будущий муж»? В четырнадцать? Оплатить? Она почувствовала, как внутри поднимается ледяная волна. Но она заставила себя сосредоточиться на происходящем в классе — первая вылазка в город, и столько информации, пусть и чудовищной.

Учительница хлопнула в ладони:

— Ну что же. Скажите мне, сколько вы знаете женских Гильдий?

Девочки вытянулись на стульях.

— Пять! — почти хором.

— Правильно. Созидания, Мира, Хранения очага, Священного служения и...

— Гетеры. — пробормотала девочка за первой партой.

Класс притих так, будто прозвучало что-то очень взрослое и немного запретное. *Или желанное?* Учительница только сдержанно улыбнулась.

Аня замерла, будто кто-то положил ей руку на затылок. Пять гильдий. И все — для женщин. И все — по сути, варианты рабства. Девушка чувствовала, как внутри медленно формируется холодное понимание: в этом мире её судьба будет решена не ею.

Учительница — сияющая, как солнечный луч в сером классе — сделала шаг вперёд и положила мел на стол.

— Прежде чем продолжим, девочки... — её голос стал мягче, почти исповедальным. — Мы с вами уже давно знакомы. Но вы пока не знали, что сама я... нахожусь под покровительством Гильдии Гетер. Я расскажу об обучении.

В классе прошёл лёгкий, приглушённый вздох. Не испуг — восхищение. Любопытство, даже зависть. Никакого осуждения.

Аню же словно ударили по ногам. Они ослабли и она машинально вошла в класс.

Без приглашения, без малейшего понимания, как это здесь принято. Прошла к последней пустующей парте, опустилась на стул и уставилась на доску. Учительница не смутилась, только слегка кивнула, будто сюда нередко приходят варварки с улиц.

Аня услышала первые фразы — и почувствовала, что её реальность снова начинает ломаться. Она словно оказалась в театре абсурда.

— Шесть лет воспитанницы изучают искусство: живопись, музыку, каллиграфию, историю театра... и, конечно, этикет. Бок о бок с воспитанницами Гильдии Созидания.

Девочки слушали зачарованно. Аня — в ступоре.

— Затем — ещё три года изучения политики, законов, международных отношений, истории Империи и основ естественных наук, — спокойно продолжала учительница, будто зачитав программу элитного университета.

Три года политики? Три года науки? Серьёзная подготовка для такой-то профессии.

— Мисс Эллис, а вы сами уже... ну... — поднялась робкая рука в третьем ряду. — Вы... влюблялись?

Класс хихикнул. Тот самый смех, смущённый, сдавленный, когда дети понимают, что затронули что-то очень взрослое и стыдное, но не знают, как правильно на это реагировать.

Учительница улыбнулась — нежно, мягко, как старшая сестра. Мисс Эллис поняла, о чём именно её спросили. Не о любви.

— О нет, пока нет. Я ещё не выходила в свет. Поэтому спокойно учусь и могу помогать Миссис Помп.

Снова взрыв смущённого смеха. И вот тут Аня не выдержала. Её затошнило от того, как этот мир изображает уродство нормой. Как будто всё — логично, мило и правильно. Она резко

поднялась, стул скрипнул, и девушка вышла из класса. Ученицы наконец заметили чужеземку и зашептались с восторженным любопытством.

— Это она прогневала духов пещеры?

Аня вышла на застеклённую веранду. Прохладный, влажный воздух ударил ей в лицо. Пахло хвоей и ароматным чаем. Здесь был отдельный камин, где тлели остатки дров и вообще веранда выглядела самым уютным местом в школе. Но девушка не могла успокоиться, она ходила взад-вперёд. *Надо отсюда валить*. Патрик уже сидел рядом, в кресле у маленького резного столика. Парень беспокойно переводил взгляд то на Аню, то на распахнутые двери класса — как будто боялся, что она сейчас скажет вслух что-то... неправильное.

Он попытался мягко успокоить варварку:

— Может... вам нужна вода?

Аня остановилась и уставилась на него так, будто впервые видела.

— А тебе нормально, что твоя сестра... эта самая...

Получилось слишком резко. Патрик молча опустил глаза, смущенный, но не понимающий из-за чего.

— Зачем вы мучаете моего старшего брата? — в дверях веранды показалась мисс Эллис. — Вы так взбаламутили девочек своей красотой, что мне пришлось устроить перерыв на чай.

Вблизи «учительница» выглядела еще более изящной. Розовое шелковое платье оттеняло бледную кожу и подчеркивало теплые карие глаза. Аня растерялась, она не хотела обижать Патрика, просто не сдержала ужаса. Теперь же по телу медленно растекался леденящий страх.

— Давайте выпьем чаю. Патрик, помоги нам, пожалуйста? — примирительно улыбнулась девушка. Аня молча присела на второе кресло у столика.

— Вы, должно быть, из очень далёких мест, — сказала учительница мягко, внимательно наблюдая за Анной. — Раз вас так возмущает наш уклад жизни.

— Мисс Эллис...

— Можно просто Луиза, — легко перебила девушка. — Если мой брат привёл вас сюда, значит, вам можно называть меня по имени.

«Сколько пафоса для малолетки...» — едва не сорвалось у Ани вслух. Она скрестила руки:

— А я — Анна. Раз уж к вам меня привел ваш брат... Луиза, вы так рекламируете свою Гильдию, что половина учениц уже мечтает оказаться там.

Рыжеволосая девушка засмеялась — тихо, звеняще.

— В гетеры не берут кого попало, — возразила она. — Только тех, кто обладает магическим даром.

Она улыбнулась чуть шире, и в этот миг огонь в камине вспыхнул вдвое ярче, поднялся языками. Девочки бы ахнули, но Аню прошибло пониманием.

— Ага... — протянула она. — То есть, женщин, что обладают магией сразу отделяют...

Луиза бросила на неё быстрый взгляд — удивлённый, почти восхищённый тем, насколько быстро варварка складывает картинку.

— Знатные дамы с даром обучаются в Гильдиях Созидания и Хранения Очага...

— Они и так под контролем своих семей...

Дверь веранды скрипнула, и появился Патрик. Он нёс поднос с чайником и тремя тонкими чашками. Взгляд его был насторожённый, даже тревожный — он явно почувствовал, что ворвался в разговор не вовремя.

Луиза замолчала. Патрик поставил поднос, сел — и тихо хлебнул чай. Взгляд его был подавленным и уставшим, как у человека, который сделал что-то не то.

Аня решила разрядить обстановку, хотя хотелось бежать, как можно дальше отсюда:

— Так... — она взяла чашку. — Сколько у вас всё-таки солнц? Если не три?

Луиза оживилась. Это была понятная тема — безопасная.

— Последние статьи Имперского Университета говорят о четырёх, — сообщила она тоном человека, который действительно читает научные журналы. — Четвёртое видели три года назад. Оно проявляется очень редко... но учёные уверены, что их именно четыре.

Аня одобрительно моргнула. «Что ж... гетер действительно чему-то да учат», — подумала она и явно не избивают, как женщин, что девушка видела на улице.

Луиза нежно улыбнулась Патрику:

— Брат, спасибо, что привёл Анну. Ты, как всегда, радуешь меня.

И снова повернулась к девушке:

— Это... очень интересное знакомство. Буду рада увидеться ещё раз, если вы не против.

Патрик впервые за последние минуты расслабился. Даже плечи расправил — словно только что получил награду.

Обратная дорога в управу была туманной и тихой. Пару раз землю трянуло, на этот раз куда сильнее обычного, но всё же с ног не сбивало.

Аня выдохнула, присев на корточки, — как ни пыталась, ничего хорошего вокруг она не замечала. Когда двинулись дальше, рассеянно озиралась по сторонам. На улицах почти не встречались прохожие из-за чего город казался вымершим. Красный свет кристаллов ложился на снег длинными полосами, и Аня уже собиралась спросить Патрика о телепортах, что он упоминал, но он заговорил сам.

— Отец хотел... — он сглотнул, слова с трудом шли, — продать Луизу в местный Дом Гетер. Чтобы... чтобы ему дали откупной. Это ужасное место, почти что бордель.

Патрик остановился и Аня чуть не врезалась в него.

— Она — единственная с даром в нашей семье. Вообще за много поколений.

Аня ничего не сказала — только слушала.

— Я был старше её. Но она всё равно была взрослее.

Из рассказов Патрика о детстве, Аня уже знала, что сестра была его лучшим другом. И по его смущению поняла, что это скорее исключение из правил для империи.

— Тогда сама Луиза сказала мне... что всё это — воля Единого. Что нет смысла бояться того, что мы не понимаем.

Он шагнул вперёд.

— Мы вместе ушли... Пешком. В Сияющий Северный Дом Гетер...

Лицо Патрика осветилось смесью стыда и гордости.

— Луизу приняли. Её сила... она редкая. Выплатили отцу большой выкуп. Мне... оплатили обучение в семинарии.

— Патрик... — тихо сказала она. — Ты не виноват, что был ребёнком. Ты вообще ни в чём не виноват.

Брат-Хранитель вздрогнул и непонимающе мигнул.

— На всё воля Единого.

В ту ночь Аня почти не спала, она физически ощущала, как тревога заполнила маленькую камеру, служившую ей спальней. Пока девушка в безопасности, но когда-нибудь придётся выйти из управы...

Вскоре Аня поняла: ей сказочно повезло попасть именно в Городок Небесного Сияния, именно к Арсину и Патрику. Они оказались чуть ли не единственными из местных, что видели в варварке человека.

Почти каждое утро после первого выхода в город она слышала, как местные мужчины шли договариваться, чтобы взять варварку в аренду. Большинство из них говорили о работе, хотя были и просящие себе наложницу — этакое дополнение к жене. Арсин принимал их в канцелярии — кабинете в другом конце здания. Однако, когда Брат-Хранитель жёстко отказывал просящим, крики разносились по всем коридорам.

— У меня три дочери умерли, хотите, чтобы и я подох? — возмущался местный кузнец, — Мне нужна помощь с очисткой растворов. Это женская работа.

— Сидит у вас тут как принцесса! Она — женщина! Должна работать! — на следующий день Арсину предлагали, чтобы Аня пожила на каменоломне.

А один, кажется, маг, просил лишь передать красный кристалл девушке, чтобы немного «успокоить» её.

— Зачем ему это, ведь красные кристаллы и так питают лампы и разные устройства? — спросила Аня у Луизы на очередном чаепитии в школе.

— Не только... Они вытягивают «мужское» из женщин... Мужчины рядом с камнями становятся сильнее, а женщины мягче.

Луиза говорила неохотно, хмурилась. Было видно, что она сама до конца не понимает принцип действия кристаллов. Встречи с юной гетерой пришлось прекратить. В каждую вылазку в город варварку настигали недовольные местные жители. Они обвиняли её в землетрясениях, что никак не прекращались. В последний раз даже кидали в Аню комки грязи. Без выходов на улицу дни потянулись совсем унылые, наполненные обреченным ожиданием.

Однажды Аню разбудил стук. Глухой, нервный, повторяющийся. Она открыла глаза — и увидела Патрика. Тот лихорадочно возил по полу её самодельной шваброй.

— Патрик?.. — Аня села, протирая глаза. — Что происходит?

Он остановился, запыхавшийся, встрёпанный, с тёмными кругами под глазами.

— Он прибывает, — выдохнул. — Брат-наместник. Уже в пути. Будет меньше чем через час!

И снова заскреб шваброй, даже не пытаясь скрыть дрожь в пальцах. Аня упала на кровать и накрылась одеялом с головой. Она ждала этого целый месяц. И всё равно не была готова. Ни к чему.

Её пробила паника: месяц. Целый месяц ушёл на что? Она так и не могла управлять магией. Читала лишь по слогам. Спрятала вилку под матрасом. Зато прослыла ведьмой среди местных. И кажется, ведьма здесь не равно магиня.

— Вставайте, — бросил Арсин, проходя мимо в коридоре. — Сейчас всё должно быть идеально. Он не любит беспорядка.

Брат запер решетчатую дверь — щёлкнув замком так буднично, будто запирал сундук, а не человека, с которым недавно подшучивал над Патриком. Аня вздрогнула. Почувствовала себя ровно также, как и месяц назад. Никто больше на неё не смотрел. Братья-Хранители бегали туда-сюда, спешно натирали полы, переставляли лавки, таскали бумаги, даже чистили канделябры.

Аня выкрикнула в коридор, когда Арсин и Патрик в очередной раз проходили мимо её допросной.

— Какой он? — спросила она резко. — Ваш Брат-наместник. Кто он? Что он за человек?

Арсин прошёл мимо, будто девушки и не существовало. Но Патрик... Патрик замедлил шаг. Нахмурился. Постоял секунду — словно решал, стоит ли говорить. И всё-таки буркнул:

— Он... мечтает о наследнике-маге.

И тут же, будто испугавшись собственных слов, рванул дальше по коридору. Аня осела на кровати. Глубоко вдохнула, пытаясь собрать воедино рассыпавшиеся мысли. Если всё это кома — сейчас самое время очнуться. Если нет — нужно решить, как себя вести. Что ответить? Как представиться? Молчать, наблюдая, или выложить всё, что знает? А что она знает? Аня сомневалась теперь буквально во всём — даже в собственных воспоминаниях. Сожгла ли она ту ветку у заброшенного храма или всё-таки Фиона? Были ли ключи настоящими или лишь сном на грани? Мысли уплывали, путались, как наушники в кармане, и Аню раздражало, что даже в собственной голове всё шатко.

— Отправит меня на работы? Или сделает своей наложницей?

Иногда девушка доставала вилку и прятала под одеждой. Потом убирала обратно. Времени на размышления оказалось... предостаточно. По коридору весь день слышались шаги, чей-то гулкий бас, звон металла — но к ней так никто и не пришёл. Она сидела на кровати, перебирала страницы книги, пододвигала к себе светильник... Её словно забыли. Или намеренно выдерживали, чтобы нервы сдали первыми. И только когда последнее из солнц уже село, когда красные кристаллы за окошком делали камеру похожей на алтарь, дверь допросной тихо, но уверенно открылась.

Аня вскинула голову, но не поднялась. На пороге стоял высокий, седой мужчина лет пятидесяти. Лицо — тяжёлое, грубое, будто сложенное из острых углов. Глубокие морщины пересекали кожу, а у рта лежала неприятная складка отвращения. Одет мужчина был не в братский плащ — скорее в военную форму: строгий крой, прямые линии, незнакомые символы власти, вышитые золотой нитью. Он держался неестественно ровно и говорил так, словно заранее репетировал каждую фразу.

— Рад, наконец, приветствовать вас, Анна, — произнёс он низким, лишённым интонаций голосом. Она всё ещё сидела на кровати, за закрытой решетчатой дверью. Он сделал шаг вперёд, но открывать камеру не торопился.

— Вы старше, чем я надеялся.

Аня хлопнула ресницами. Потом моргнула ещё раз. *И как реагировать на такой вот флирт?*

— Мне нужно в туалет, — сухо сказала она.

Мужчина замер. В складке у рта что-то дёрнулось. Он произнёс ровно, без повышения голоса, но так, что в груди у Ани холодно сжалось:

— Вы никогда не будете перебивать меня.

И посмотрел в угол камеры на ведро, которое Аня когда-то пообещала сжечь. «А у вас тоже есть юмор» — горько подумала девушка, но открывать рот благоразумно не стала.

— Сегодня уже поздно, мы поговорим утром. Доброй ночи, сестра.

На несколько часов Аня осталась в одиночестве. Она не спала, когда глубокой ночью в камеру крадучись вошёл Патрик — как всегда предварительно постучав. Он проводил её в уборную. И всё в нём — выражение лица, движения рук, даже то, как он придерживал ей дверь — было нервным, тревожным и стыдливым. Патрик, который обычно сиял добротой и спокойствием, теперь источал тревогу и страх. Ане передалось темное волнение и она едва сомкнула глаза в эту ночь, заснула только под утро.

Утром открыла глаза от ощущения, что на неё смотрят. Сон был коротким, беспокойным, и сознание вернулось резко, как от толчка.

За решёткой, за столом допросов — сидел наместник. Он бесстрастно смотрел прямо на неё, даже не моргнув, когда девушка резко села в кровати. Ночью она дала себе слово: не лезть на рожон.

Не спорить, не дерзить, не провоцировать. Но держать эту клятву оказалось сложно, когда тебя застали вот так — во сне, беззащитную, в закрытой клетке. *Как незаметно достать вилку?*

Аня молчала. Он — тоже. Дверь допросной тихо отворилась, и в комнату вошёл Патрик. Он не поднял глаз и даже не взглянул на девушку. В руках у него был глиняный стакан, наполненный до краёв. Аня сразу поняла, что это. То самое лекарство, которое пьют все женщины. О котором предостерегала Фиона. «Нужно было послушаться её и сбежать!» — промелькнуло в мыслях. — «Тупой герцог!».

Патрик поставил стакан на стол перед Наместником и поспешно вышел из комнаты. Только теперь мужчина поднялся из-за стола. Будто огромный зверь, который долго сидел в засаде. Его голос прозвучал так же безжизненно, как накануне.

— Я не представился вчера. Я — Наместник этого города. Бартиус Сияющий.

Аня хмыкнула — не успела сдержаться. Жук снова перевёл буквально. Фамилия «Сияющий» прозвучала абсурдно вкупе с внешностью священника.

Бартиус не изменился в лице, может не услышал? Он подошёл к решётке, достал ключ и, не глядя на Аню, повернул замок. Затем вернулся к столу, взял стакан с подноса. Каждое движение как у робота, с идеально прямой спиной.

Мужчина поднёс лекарство к губам девушки. Так, будто она должна пить... из его рук. Как подопытная или даже животное. Всё это происходило в тишине.

— Я... я не уверена, что мне стоит это пить... возможно, это... неуместно... — Аня едва слышно пробормотала, пытаясь отодвинуть стакан рукой. Но стоило её пальцам лишь коснуться глиняного края, как наместник дёрнулся. Он схватил её за волосы у затылка, рывком запрокинул голову так, что шея хрустнула. Стакан оказался у её губ, ледяной глиняный край упёрся в зубы. Он собирался влить лекарство силой. Всё внутри оборвалось — страх, унижение, ужас — и где-то под ними вспыхнул гнев.

«Нет!» — зазвенело у неё в голове.

Мир взорвался. Вспышка ослепила комнату, словно кто-то ударил по воздуху молотом из света. Бартиуса швырнуло назад — так сильно, что он вылетел в открытую дверь, ударившись о каменный косяк. Стакан разлетелся в пыль. Кровать, на которой сидела Аня, отлетела в сторону, врезавшись в стену. Маленькое окно над столом треснуло, его выбило наружу.

Девушка сама не поняла, как оказалась на корточках посреди своей камеры, пальцы упёрты в каменный пол. Ведро в углу пылало синим пламенем. Тело наполнил восторг от собственной мощи, трепетное ощущение неуязвимости... которое тут же сменилось слабостью. Аня уперлась спиной в стену.

Мгновение стояла тишина. Такая, что бывает после грозового удара. Потом в коридоре послышался топот. В дверях появился Патрик и замер, побледнев. Его глаза бегали по комнате: выбитое окно, пылающее ведро, перевернутая кровать... и варварка — держащаяся за пол.

— Единый... — прошептал он.

Наместник медленно шевельнулся и Патрик бросился ему на помощь. Бартиус не смог сразу подняться — грудь вздымалась болезненно, в дыхании слышался хрип. Но на его лице... заиграла довольная улыбка.

— Герцог был прав, Патрик, — выдохнул он, с трудом опираясь на стену. — Она — редкость.

Наместник наконец выпрямился. Отряхнул рукав, как будто падение было мелкой неприятностью, пусть и болезненной. Патрик отпустил локоть наместника и глухо спросил:

— А лекарство? Мне... принести ещё?

Мужчина посмотрел на Анну тяжёлым, оценивающим взглядом. Улыбка стала шире.

— Ты же слышал, — произнёс он почти ласково. — Моя невеста не хочет лекарства.

Позволим ей это... пока.

Он сделал шаг, приблизился к Патрику и добавил:

— Формально она не подданная Империи... пока что.

Глава 6. Реликвия

Уже месяц Эдвард бродил по унылым северным городкам — таким безликим, что казалось, их вырезали из одного и того же серого камня. Каждое утро он подъезжал к новой управе, каждый вечер — писал отчёты. А ещё письма Софии и записки Мире. Дни его были одинаково пустыми, холодными и бесполезными.

За Северным хребтом почти никогда не работали артефакты телепортации, разве что на совсем небольшие расстояния. Маги объясняли это «аномальными потоками», но местные знали лучше: мир здесь сжимался и растягивался сам по себе, будто дышал. Приходилось всё время быть в седле, менять лошадей через каждые два поселения, мерзнуть в пути, питаться тем, что здесь называли едой. Хуже еды — только местные манеры. Наместники больше походили на усталых военных, чем на священников. Они рявкали вместо приветствия, отдавали приказы там, где стоило пастырски говорить о вере. Дисциплина, отчёты, караулы — вот чем жили северные управления. Но оно и понятно: набеги варваров происходили здесь так же регулярно, как дожди и снегопады. Эдварда все эти подробности мало волновали. Официально он приехал по приказу Верховной Канцелярии — проверить работу городских управ. Но главная задача была другой: выяснить причину магической вспышки, что за тысячи километров отсюда почувствовали сильнейшие маги Империи. Пока в отчётах городков — тишина. Ни одного упоминания, ни намёка на должно быть масштабное происшествие.

Эдвард показывал свой знак Секретаря Главного Жреца Империи. От его высокой должности здесь шарахались. Местные чиновники старательно докладывали обо всём: о замёрзших дорогах, о нехватке рабочей силы, дефиците красных камней, о беглых женщинах, что прятались в Северных Домах Гетер. И всё это было просто шумом вокруг того, что действительно интересовало Эдварда.

Ранним утром, в номере очередного постоялого двора, он разложил карту. На ней — чрезвычайно детализированная схема дорог, перевалов, деревушек и ущелий, некоторые места слабо пульсировали красным свечением. Рядом с картой расположил приборы Канцелярии: мерцающий компас, несколько серебряных линеек с кристаллами. След магической вспышки ещё был. Слабый, почти угасший, но достаточный. Сегодня он поедет в горы в старый перевал, где когда-то стоял храм. Приборы сводили все нити туда. Что бы ни произошло там — это было исключительно мощно и слишком опасно, чтобы игнорировать.

Эдвард закрыл глаза, сжал пальцы на холодном металле прибора и негромко произнёс.
— Пусть я ошибаюсь. Пусть это будет всего лишь забытый артефакт...

В дверь постучали — так тихо, что звук мог бы и потеряться в шуме ветра, если бы не напряжённая тишина комнаты. Эдвард вздрогнул. На Севере никто не тревожил чиновника из столицы без крайней необходимости. Даже наместники предпочитали дождаться хотя бы завтрака. Значит, это не пустяк.

Мужчина открыл дверь — и увидел мальчишку лет шести. Лицо красное от бега, волосы торчат в стороны, дыхание облачками пара вырывается в холодный коридор. В его руках зажат конверт.

— Сэр... — мальчик проглотил слюну. — Я... увидел пометку «срочно»... и решил... принести вам... его ещё даже не успели проштамповать...

Эдвард не сдержал лёгкой улыбки. Он достал золотой — непозволительно щедрую монету для гонца, тем более ребенка. Мальчик посмотрел на блеск золота так, будто ему протянули одно из солнц.

— Молодец, — тихо сказал Эдвард. Мальчишка засиял, прижал монету к груди и стрелой умчался по коридору.

Эдвард остался в дверях на пару секунд, слушая удаляющиеся шаги. Письмо оказалось от Генри. Небрежный, нервный почерк сразу бросался в глаза. Эдвард вскрыл конверт, прочитал первую строчку — и медленно опустился на край кровати. Содержание письма... обезоружило его.

«Друг, я умоляю тебя вернуться в Столицу.

Мне нужны все связи, которые только у меня есть. И ты знаешь — их немного. Томас бесполезен. Питер... Питер отказывается со мной разговаривать, и не спрашивай почему — он прав.

Эдвард, моего отца убили. Убили магией, жестоко, как зверя. И теперь в его смерти обвиняют мою мать.

Первое заседание было сегодня. И только ради неё... ради моей несчастной матери... я готов стоять на коленях, чтобы это прекратить. Я не видел её десять лет, Эдвард. И за эти десять лет от неё почти ничего не осталось. Он, это чудовище, её уничтожил. А суд... суд её добьёт.

Сегодня они начали ворошить прошлое. На открытом слушании перечисляли, как именно отец «наказывал» её. Какие раны фиксировал лекарь. Какие синяки видели слуги.

Где они были, когда всё это происходило?

Где был я?

Эдвард, десять лет назад он устроил всё так, что будто бы я убил Анну. Ты помнишь эту историю. Дескать, я не справился со своей силой — такая трагическая случайность. Дело никто не расследовал, ведь мой отец — Глава коллегии судей Империи.

Но я был там и знаю, что произошло. И мать была там. Неужели ты думаешь, что если бы она могла его убить, она не сделала бы этого в тот самый момент?

Она невиновна.

И я прошу тебя: спаси её. Я слишком долго молчал. И теперь моя трусость убьёт мою мать.

Единственная моя надежда — это ты.

Г.»

Эдвард вскочил в волнении. Он сорвал с крючка тёплый сюртук, небрежно накинул, застегивая пуговицы на бегу. Влетел в маленькую ванную, смахнул прибор для бритья со стойки. Металл глухо звякнул, и Эдвард просто швырнул устройство в открытый чемодан — пусть лежит как придётся. Движения его были порывистыми. Мужчина не мог сдержать волнения.

Генри — который смеялся на похоронах. Генри — который никогда не просил ни о чем: ни о помощи, ни о поддержке, даже о дружбе. Этот самый Генри пишет ему письмо, где слова словно вырваны из груди.

Эдвард чувствовал боль друга как свою. Так явно, будто его самого приложили к камню и заставили слушать приговор. Он знал: Генри никого не убивал, даже случайно.

Это знали все. Но кто осмелится сказать такое вслух — слишком велика власть его отца. Именно поэтому Генри прощали всё. Именно поэтому его не отправили на военную службу после отчисления из академии. Любого другого силой заставили бы служить «отечеству». Тем большее Эдварду было смотреть, как друг гниёт изнутри все эти годы.

А его мать... О ней Эдвард давно ничего не слышал.

Эдвард захлопнул чемодан, торопливо подошёл к столу, чтобы собрать карты и приборы. И тут один из них — серебряный компас с тонкими чертами рун — вдруг дёрнулся, будто ожил. Стрелка закрутилась, бешено дрожа, и резко остановилась, указывая на запад.

На маленький городок. Один из тех, что стоял в очереди для инспекции, на самой дальней точке маршрута. Саэль никогда не просил Эдварда о пустяках. Поручал ему дела, от которых зависела судьба Империи.

Мягкое, но отчётливое свечение поднялось от кристалла в центре. Новая вспышка магии, не такая яркая, как та, что потрясла Империю месяц назад... но ощутимая. Живая.

Эдвард замер. Застыл над картой. Он твёрдо решил, что друг важнее, но зачем-то разглядывал схему дорог до городка. Через горы, да на хорошем коне всего один день пути... Эдвард рывком собрал карты и приборы.

Через полчаса Секретарь мчался галопом по заснеженной тропе. Лошадь взрывала копытами рыхлый снег, поднимала ледяную пыль, и путь превращался в белое облако. Короткая дорога через ущелье — опасная, коварная, но быстрее на целые сутки.

— Давай, друг, — выдохнул он, наклоняясь к горячей шее коня. — Доберёмся до заката и заберу тебя к себе, на юг. Будешь жить как король. Конь-король.

Животное всхрапнуло, будто приняло условия сделки.

Эдвард решил всё же заглянуть в то место, на которое указывал компас. Он оправдывал выбор тем, что до столицы не меньше семи дней пути. Даже если прямо сейчас развернуться, помчаться назад, добраться до ближайшей станции... всё равно не успеет к заседанию. Никак не успеет. Это странное ощущение неизбежности — что Генри в любом случае придётся ждать — давало Эдварду моральную лазейку. И он не побрезговал ею воспользоваться.

Перед тем как выехать из городка, Эдвард заглянул в управу. Он держал в руках письмо друга — всё ещё чуть тёплое от пальцев. С глубоким вздохом аккуратно запечатал конверт. Красный сургуч лёг ровно, без пузырей, словно письмо никогда и не вскрывали.

— Отправьте назад, — сказал он дежурному. Голос прозвучал чужим. — Пометка: «Адресат не найден в городе».

— Но, сэр... — начал было писарь.

— Приказ, — тихо повторил Эдвард, не поднимая глаз.

Когда он вышел из управления, внутри что-то скрутило. Словно он предал самого себя. Будто вытолкнул руку друга из своей ладони.

— Генри... Только один взгляд. Один день, — прошептал он и вскочил в седло.

Теперь, когда конь летел по дороге, белые скалы сжимались над головой, а ветер хлестал лицо, чувство вины грызло его сильнее любого мороза. Но он не останавливался. Лошадь несла его так, будто действительно рассчитывала стать Конём-королём.

До заката оставалось ещё часа два, когда Эдвард подъехал к управе. Красные Кристаллы, вделанные в каменные арки, уже светились густым рубиновым светом. Лошадь тяжело дышала, пар стелился над снегом.

Первым к нему подскочил полный рыжеволосый Брат-Хранитель — запыхавшийся, ошеломлённый видом инспектора.

— Коня, — коротко бросил Эдвард, спрыгивая на снег. — Накормить, напоить и отправить по этому адресу.

Он сунул в руки Брата мешочек с купюрами.

— Самым коротким путём. Я выкупаю его у управы. Этого хватит на все условности. Что останется — пожертвование.

Брат-Хранитель застыл, прижимая мешочек к груди. Он даже не успел раскрыть рта. Эдвард уже шагнул прочь — быстрый и целеустремлённый.

У дверей управы навстречу выбежал другой Брат — высокий, худощавый, с туго затянутым воротом и густыми тёмными волосами.

— Сэр... сэр, прошу... представьтесь... Соблюдайте порядок входа... — затараторил он, пытаюсь перегородить путь.

Эдвард его даже не услышал. Он уже шел по коридору. Двери хлопали одна за другой — инспектор открывал каждую, быстро, уверенно, лишь скользя взглядом по комнатам.

— Где комиссар? — бросил он, не останавливаясь. Братья-Хранители, бегущие за незнакомцем, переглянулись.

— Где Наместник? — голос стал сталью. — Мне нужен Наместник.

Высокий Брат — Арсин — семенил сзади, тщетно пытаясь удержать шаг:

— Сэр... прошу... позвольте проводить вас... это против порядка... Наместник занят.

Эдвард распахнул очередную дверь, даже не дожидаясь конца фразы. В руках он держал компас, но тот ничем не мог помочь: стрелка крутилась как бешеная, указывая сразу на всё вокруг.

Эдвард дошёл до тяжёлой двери с маленьким окошком. Потянул за ручку — на засове висел замок. Мужчина медленно повернул голову. Взгляд лёг на Арсина. Тот машинально поклонился — сам не понимая, почему сделал это. В это мгновение за спиной раздался резкий, едкий голос:

— Я Наместник. А вы что за...

Эдвард развернулся и Бартиус осёкся. Их взгляды встретились — и старший мужчина невольно опустил глаза. Его подбородок дрогнул. Конечно, Наместник узнал молодого и могущественного мага, ведь сам только два дня назад вернулся из Столицы. А ездил он на бал в честь помолвки аристократа.

Голос Эдварда был ровным, без силы, без угрозы. Но от него хотелось стать по стойке «смирно».

— Я — секретарь Высшей Канцелярии, — отчеканил он. — По поручению Высшего Жреца. Откройте эту дверь. Сейчас.

Молчание, а за ним — попытка обрести достоинство. Бартиус медленно расправил плечи и хрипло ответил:

— Это всего лишь кладовая, господин Эдва...

— Где ваш комиссар? — перебил Эдвард, и старик вздрогнул. — Почему в управе только два Брата-Хранителя? Почему дверь кладовой заперта? Откройте.

Бартиус начал что-то объяснять — длинно, лживо, с ужимками. Эдвард не стал слушать. У него не было времени. Эдвард поднял руку — и та изменилась. Пальцы удлинились, кожа почернела, вспыхнув оранжевыми трещинами. От руки повеяло жаром, будто он держал внутри огонь горна. Стоило прикоснуться к замку и металл вспух, расплавился и стек на пол, будто воск.

Внутри — допросная со столом и стулом. Угол отгорожен клеткой-камерой. Эдвард сделал шаг внутрь, взгляд его приковало сияние пламени.

— Что... — он наклонил голову, разглядывая редкий экспонат. — Что это?

В углу камеры стояло ведро — обычное, деревянное. Оно полыхало чистым голубым пламенем без дыма и запаха. Запрещённое лазурное пламя.

— Поговорим в моём кабинете.

Бартиус Глаз указал на выход. Но инспектор прошёл к столу под маленьким окном. То было неаккуратно забито досками.

Патрик появился в дверях почти сразу. Он тащил за собой резное розовое кресло — нелепое, украшенное цветами, явно не из допросной. То самое, в котором восседал герцог Блэквуд.

— Для вас, сэр, — пробормотал он, с надеждой заглядывая в глаза Эдварда. Инспектор посмотрел на кресло, как если бы Патрик предложил ему сесть в детскую коляску. Но затем

— устало выдохнул: после дня верхом любое сиденье — счастье. Как только Секретарь сел, Патрик просиял, довольный тем, что угодил.

Бартиус сел напротив, на простой стул, положив руки на стол — аккуратно, церемонно, готовый то ли к допросу, то ли исповеди.

— Комиссар, — начал Эдвард. — Где он?

Глар не моргнул.

— Пропал при преследовании беглянок. Скорее всего от хищников... Дикае твари здесь... — он развёл руками. — Каждый месяц уносят людей. Потому и служителей мало. Никто не желает работать в глуши, куда Единый посылает лишь испытания.

Эдвард слушал молча. Глаза неподвижные, едва ли заинтересованные разговором.

Патрик, который стоял в углу, прижимая руки к груди, выдохнул и вышел из комнаты. Он не выносил лжи, даже во благо.

— А ведро? — Эдвард кивнул в угол.

— Древняя реликвия, конечно. — голос стал почтительным, будто Наместник говорил о святых мощах. — Нашли в старом... хм... храме. Богохульном, заброшенном. Там вспыхнуло пламя. Никого не ранило, но выбило камень. Мы хотели... сперва понять, чем он является. И... — он выдохнул, обводя взглядом комнату. — Не спешили докладывать. Мы скромный приход, сэр. Хотели, чтобы хоть что-то привлекло сюда паломников.

Бартиус вздохнул почти искренне. Эдвард по интонации мог разобрать, где была ложь, а где удобная недосказанность. Но и то и другое могли быть по совершенно ничего незначущим для Эдварда причинам: контрабанда, хищение средств из казны. Экспертиза покажет всё то, что скрывают люди. Впервые за день Эдвард выдохнул с облегчением.

— Ведро упаковать, — сказал он, поднимаясь. — Готовить в дорогу. Я уезжаю сейчас.

Наместник коротко поклонился и поспешно вышел. Вошёл Арсин — бледный, как мел.

Он уложил ведро в большой деревянный ящик, забил крышку толстыми гвоздями. Эдвард смотрел на него — как смотрят на скрипку, играющую сама собой. Спокойно и чуть отстранённо.

Когда всё было готово, Секретарь вышел. Арсин понёс ящик следом. У дороги Патрик уже запрягал свежую лошадь. Вместе с Арсином они привязали груз к седлу, проверили ремни. Братья-Хранители постоянно переглядывались между собой, но Эдвард хоть и заметил это, так и не спросил в чём дело. Ему нужно было спешить к Генри.

— Сэр, вы должны кое-что знать, — сипло произнес Арсин, когда Эдвард уже сидел верхом. Секретарь недовольно выдохнул, но кивнул.

— В храме мы обнаружили чужеземку, — уже увереннее продолжил Арсин.

— И сейчас она в Доме Гетер Небесного Сияния. — взволнованно закончил Патрик и тут же схватил за руку Арсина и потащил того прочь, в здание управы.

Эдвард двинул лошадь и галопом помчал по улице. Впрочем, как только повернул за угол, остановился и с досадой потёр лицо.

— Какие честные...

В Дом Гетер вот так бесцеремонно не зайти. Придётся ждать утра.

Аня ходила из стороны в сторону по комнате, словно загнанное животное. Пол под ногами был тёплым, ковёр — мягким, но прямо сейчас это не радовало. Сразу после инцидента девушку без объяснений увезли сюда — в карете без лошадей. Аня тогда даже не удивилась: к сожалению, магия не самое поразительное в этом мире. Удивительно было то, с какой легкостью её лишили единственного места, где она более или менее освоилась, где был пусть не союзник, но хотя бы сочувствующий — Патрик. Да и Арсина девушка уже считала своим.

Дом Гетер оказался двухэтажным каменным зданием, аккуратным, даже игрушечным. Светлый фасад, резные балкончики, скромная, но ухоженная парадная лестница. Внутренняя планировка была по типу классической киношной тюрьмы. Дом был выстроен идеальным квадратом: в центре — высокая зала первого этажа, а по периметру второго — двери комнат учениц, каждая выходила прямо внутрь, на общее пространство. Любой шаг, любой выход — на виду. Пройти незамеченной здесь было невозможно.

К комнате Аню провела женщина лет пятидесяти — сухая, прямая, с гладко зачёсанными волосами и взглядом, в котором не было ни злобы, ни сочувствия. Она походила на гувернантку или учительницу математики. Женщина молча сопроводила, открыла дверь, кивнула — и ушла, не сказав ни слова. Аня осталась одна.

Первым делом девушка подошла к окну. Толстые, грубые решётки — не декоративные, не для вида. Такие, что и ломом не возьмёшь. Вторым делом проверила дверь. Тяжёлая, крепкая. Конечно, заперта.

Третье открытие заставило почти рассмеяться. Своя ванная комната. С каменной купелью, тёплой водой, полками, полотенцами. Всё чистое, пахло лавандой. Туалет, правда, всё ещё азиатского типа.

— Ну, ничего... — пробормотала Аня, глядя на своё отражение в зеркале. — Сейчас я вам всем покажу.

Она всё ещё еле держалась на ногах, но в крови оставалась отчаянная самоуверенность, что всегда приходила за вспышкой магии.

Аня сжала пальцы, схватившись за мраморную раковину. Попыталась снова вызвать тот гнев, что рвал её изнутри ещё час назад, что разнёс допросную, швырнул Наместника и зажёл ведро синим пламенем. Она представила, как стены вокруг трескаются. Как светильники лопаются. Как весь этот аккуратный дом складывается внутрь себя, как карточный.

Ничего не произошло. Аня попыталась снова. Прошёл час. Потом второй. Потом целый день. Аня сидела на кровати, стояла у окна, снова ходила из угла в угол. Перед ней на столе горела свеча — ровно и издевательски спокойно. Девушка попыталась задуть пламя магией. Потянуть. Толкнуть. Хоть что-нибудь. Огонёк даже не дрогнул.

Гнева больше не было — только усталость и бессилие. Подкрадывался страх.

— Отлично, — тихо сказала она в пустоту. — Просто прекрасно.

Эдвард расслабленно сидел за витражным столиком в главном зале Дома Гетер. Он был выбрит, аккуратен, в своем лучшем походном костюме — болотного цвета, без излишеств, но тот идеально оттенял его бледную кожу и русые волосы. Свет, проходя через цветные стёкла, ложился на пол узорами. Это создавало ощущение весны, хотя на стеклянном потолке лежали сугробы.

— Значит, церемония будет уже через неделю, — произнёс он ровно, отпивая глоток светлого цветочного настоя. — И ваш Дом уверен, что Единый уготовил ей судьбу гетеры?

Напротив пила чай почтенная дама. Возраст её было сложно определить: морщины — ухоженные, движения — мягкие, взгляд — цепкий и живой. Она улыбнулась — медленно, с достоинством. Говорила она неспешно, подбирая слова так тщательно, что со стороны могло показаться: она кокетничает. Что, разумеется, было бы возмутительно — и именно поэтому выглядело особенно изящно.

— О, дар у неё совсем невзрачный, — сказала собеседница с лёгким, почти материнским вздохом. — Но всё же... дар. Этого достаточно. А потому я сочла возможным взять на себя её содержание и обучение. Наш край, как вы понимаете, стеснён в средствах.

Она развела руками — жест скромности, отточенный годами. Эдвард кивнул. Он услышал ровно то, что и ожидал.

— Разумеется, Миссис Помп. Благородный поступок.

Повисла пауза — вежливая, почти уютная. За стеклянными дверями где-то смеялись девушки, по залу скользила служанка с подносом. Всё было безупречно.

— В таком случае, — продолжил Эдвард, — я хотел бы получить позволение побеседовать с ней. Наедине.

Он произнёс это как формальность. Как человек, который заранее знает ответ, но соблюдает правила игры. Улыбка миссис Помп не исчезла. Лишь стала... уже.

— Я не могу противиться правой руке Главного Жреца, — мягко сказала она. — Это было бы... неразумно.

Эдвард едва заметно наклонил голову — знак благодарности.

— Однако, — добавила она, словно между прочим, — позволю себе напомнить: увезти её вы теперь не сможете.

Эдвард поднял на неё взгляд.

— Её имя уже отправлено в местный храм, — продолжила миссис Помп всё тем же ровным тоном. — Для подготовки к Ритуалу. Формальности, сэр. Но вы же знаете, как они важны.

Пальцы сомкнулись на чашке. Раздался лёгкий звон фарфора. Эдвард не изменился в лице. Только внутренне отметил: они успели.

— Разумеется, — сказал он так же спокойно. — Я всего лишь хочу допросить.

Вдруг по залу прокатилась тряска. Хозяйка дома кротко улыбнулась.

— В последнее время город мучают землетрясения. Лучше подождать немного...

Когда толчки прекратились, Миссис Помп не стала медлить, сама проводила Секретаря на второй этаж, открыла дверь и вложила ключ в руку молодого человека. Она доверительно посмотрела прямо в его серые глаза:

— Вы сможете открыть изнутри.

Эдвард вошёл, дверь за его спиной тихо щёлкнула. Мужчина на мгновение замер, прислушиваясь. Тишина. Он обвёл взглядом помещение: аккуратная кровать за ширмой, столик с двумя креслами, полки с книгами, тяжёлые портьеры у окна... Пусто. Никого.

Эдвард позволил себе на секунду выдохнуть. Он сжал пальцы, сквозь зубы, только для себя прошептал:

— Неделя...

— О! У меня посетитель! — голос прозвучал неожиданно.

Из-за тяжёлой портьеры показалось светлое лицо в обрамлении огненных локонов. Девушка сидела на мраморном подоконнике, поджав босые ноги. Она легко соскользнула вниз, поправляя складки платья. С любопытством взглянула на Эдварда ярко-зелёными глазами. Эдвард замер: незнакомка была похожа на язычницу из церковных книг. Именно так изображали тех, кто прогневил Единого три сотни лет назад.

— Читаете роман? — заметил он книгу в руках Анны.

— О, это очень вдохновляющий роман! — оживилась девушка. — В нём вообще ничего нет, кроме букв. Ни смысла, ни сюжета, ни надежды. Думаю, я вполне смогу стать писателем в вашем мире.

Она сделала шаг вперёд и, будто вспомнив о приличиях, слегка наклонила голову.

— Я — Анна.

Аня смотрела на мужчину с ожиданием.

— Эдвард Стоунфилд, — ответил он, автоматически выпрямляясь. — Секретарь Верховного Жреца. К вашим услугам.

— Вау...

Кажется, она узнала его имя: зеленые глаза с любопытством сощурились. Эдвард поклонился — ровно настолько, чтобы это выглядело уважением, а не снисхождением.

— Я думал, вы... младше, — сказал он наконец, и тут же осёкся.

Анна всплеснула руками.

— Да что же это такое! — возмущённо воскликнула она. — Каждый в этой Империи считает своим долгом напомнить мне, как я стара!

Она первой уселась в кресло у маленького столика перед ширмой, отделяющей кровать. Закинула ногу на ногу и выжидающе посмотрела на него.

— Я не это имел в виду, — Эдвард на мгновение потерял самообладание. Он замолчал, улыбнулся и сел в свободное кресло напротив.

Деловито достал из внутреннего кармана компас Канцелярии и положил его на столик. Стрелка бешено дёргалась, крутилась, замирала и снова срывалась в беспорядочное вращение. Мужчина с лёгким раздражением щёлкнул по прибору — бесполезно. Все его артефакты здесь, в городе, сходили с ума, как будто весь город был скоплением аномальной мощи. Сам Эдвард, к сожалению, не обладал даром чувствовать силу в других. Не мог сказать, обладает ли человек перед ним магией или нет. Не мог он и почувствовать след недавних чар.

Анна наблюдала за манипуляциями с компасом. Потом перевела взгляд на Эдварда — и сказала буднично:

— Ладно, буду откровенна. Мне терять уже нечего.

Откинулась в кресле, сложила руки на коленях. Эдвард не смог оторвать глаз от полного решимости лица девушки.

— Если вы пообещаете не жениться на мне, не держать в клетке и не делать из меня проститутку, я готова сбежать с вами прямо сейчас.

На секунду в комнате повисла тишина. А потом Эдвард рассмеялся неожиданно для самого себя. Он прикрыл глаза, покачал головой.

— Ничего из перечисленного мне не нужно, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — И, признаться, я впервые слышу столь... конкретный список условий. Но я помогу всем, чем смогу. Расскажите, кто вы?

Анна прищурилась с хитрой улыбкой.

— Конечно, — протянула она. — Я уже поняла: у вас тут обещания забываются...

Она подалась вперёд, положила локти на стол. Эдвард ощутил запах трав, исходящий от волос девушки.

— Поэтому давайте так: поиграем в игру.

— Игру?

— Да, — кивнула Анна. — Вы задаёте вопрос — я отвечаю. Честно.

— А потом?

— Потом я спрашиваю вас. И вы отвечаете. Информация за информацию.

Девушка наклонила голову, огненные пряди соскользнули на плечо. Эдвард медленно кивнул, заставляя себя сосредоточиться на разговоре. С чужеземкой точно было что-то не так. Она сильно отличалась от перебежчиц из соседних стран.

— Идёт. — его голос снова приобрёл ровную, нейтральную окраску. — Но я начинаю. Как вас зовут? Полное имя.

— Анна Геннадьевна Синичкина. Анна — имя. Геннадий — имя отца. Синичкина — фамилия, можно сказать, род. — с воодушевлением объяснила Аня. Эдвард нахмурился, но промолчал. — Что меня ждёт. Зачем держат здесь?

Эдвард откинулся в кресле.

— Вас держат здесь, потому что миссис Помп считает, что у вас есть магический дар. Невзрачный, как она выразилась. — он говорил ровно, как зачитывал бы статью устава. — Через неделю, вас ожидает Ритуал Определения Призвания. В местном храме.

Он сделал паузу, наблюдая за её лицом. Видел, как в её глазах вспыхивает понимание: она знала о ритуале.

— Там, — продолжал он учтиво, — Единый укажет, в какую из пяти Женских Гильдий Империи вам уготован путь. Учитывая, что вы находитесь в Доме Гетер, и учитывая наличие у вас дара, наиболее вероятный исход — Гильдия Гетер.

Он дал этим словам повиснуть в тишине. Внимательно вглядывался в её лицо, отслеживал реакцию.

— После ритуала вы официально станете воспитанницей Гильдии. Вас не ждёт долгое обучение из-за вашего возраста, простите. Скорее всего Миссис Помп уже заметила, кому вас можно продать как Наложницу или как Содержанку. Иначе бы она не приняла вас здесь.

Он закончил и сложил руки, ожидая. Анна встала с кресла прошла до двери и обратно. Затем вышла в ванную, послышались звуки воды. Спустя мгновение девушка вышла с полотенцем в руках — она умылась.

— Это у меня то посредственный талант?! - уперлась руками в столик прямо перед собеседником, заставляя его отстраниться — В гневе я разнесла допросную! И подожгла ведро как и обещала!

— В углу камеры? — осторожно спросил Эдвард.

— Ну да, для ... ну, туалетное ведро. — Анна плюхнулась в кресло и зачем-то застенчиво добавила. — Но я им не пользовалась. Меня Патрик в уборную водил...

Эдвард не стал комментировать это уточнение, молча достал из внутреннего кармана серебряную шкатулку. Она была плоской, матовой, с лаконичной гравировкой — больше похожей на футляр для инструментов, чем на магический артефакт. Молодой человек деловито открыл её и разложил на столе несколько тонких пластин, похожих на зеркала без отражения.

— Мне нужно вас зарисовать, — сказал он так, будто речь шла о подписи в журнале. — Это делает Портрер.

Анна моргнула.

— Но моя очередь спрашивать. Вы задали вопрос про ведро.

— Спрашивайте, — спокойно ответил Эдвард и щёлкнул одной из пластин. Аппарат ожил. В воздухе между ними начали чертиться тонкие светящиеся линии — будто невидимая рука рисовала углём по пустоте. Контуров вспыхивали, соединялись, обрывались и снова возникали. Анна нахмурилась, но взгляд отвести не смогла.

— Зачем на государственном уровне организованы Дома Гетер? — спросила она. — В чём выгода?

Линии замерли. Эдвард поднял на неё внимательный взгляд.

— Кем вы были у себя на родине? — вместо ответа спросил он.

Анна прищурилась.

— Сейчас моя очередь, — сказала она мягко, но с нетерпением, как человек, который уже устал уступать. Эдвард чуть склонил голову.

— Это слишком объёмный вопрос. Объяснение может растянуться на часы.

— Хорошо, — она мгновенно перехватила инициативу. — Тогда спрошу чётче.

Как мне обойти систему... и не стать наложницей Бартиуса Сияющего?

Эдвард не удержался — прыснул, почти по-детски. Тут же прикрыл рот рукой, но было поздно.

— Ваш Переговорщик неисправен, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — Он переводит фамилии буквально.

Анна нетерпеливо нахмурилась. Улыбка с лица Эдварда исчезла так же быстро, как появилась. Он выпрямился.

— Вы считаете, что он стоит за вашим заточением здесь?

— Да! — выпалила Анна. — Он был доволен, когда я его отшвырнула. А... одна птичка сообщила мне, что он мечтает о наследнике-маге.

— Все в Империи мечтают о таком, — автоматически ответил Эдвард. И получил подозрительный взгляд зелёных глаз.

В этот момент линии в воздухе сомкнулись. Перед ними зависло невесомое, трёхмерное изображение в цветных штрихах — Анна по пояс, до мельчайших деталей: изгиб плеч, выражение глаз, даже выбившиеся огненные пряди.

Эдвард взмахнул рукой — и портрет рассыпался серебристой пылью, втянувшись обратно в шкатулку. Анна смотрела заворожённо. Настолько, что на мгновение забыла, о чём вообще шла речь.

— Откуда вы? — тихо спросил Эдвард. — Из какой страны?

Анна не успела ответить: короткий стук в дверь оборвал разговор. Несколько поворотов ключа и на пороге стояла Миссис Помп.

— Извините, господин Секретарь, но вынуждена прервать ваш допрос. Анне пора на урок этикета.

Эдвард не шевельнулся, он остался сидеть в кресле, расслабленно откинувшись, и смотрел на миссис Помп с вежливым ожиданием.

Хозяйка Дома сделала старомодный книксен — не слишком глубокий, ровно настолько, чтобы напомнить о статусе собеседника, но не унижить собственный.

— Но после пяти вечера Анна будет свободна от занятий.

Аня едва заметно напряглась.

— Если вам будет угодно, — продолжила миссис Помп, скользнув взглядом по девушке, — вы сможете прогуляться с ней по городу. Разумеется... при условии, что вы лично проследите за её возвращением.

Эдвард кивнул.

— Отныне, кроме меня больше никто не может посещать Анну. Даже Наместник. Она — часть расследования.

Миссис Помп вспыхнула под ликующим взглядом чужеземки.

Глава 7. Новый титул, старый друг

Генри вышел из здания суда медленно, буквально каждая ступень тянула его вниз. Плечи опущены, спина сгорблена. Сегодня он принял удар целиком на себя. Не дал ему дойти до матери.

Он настоял на медицинском обследовании. Добился, чтобы её отпустили в больницу — не как обвиняемую, а как пациентку. Это стоило ему всего: голоса, сна, последних остатков самообладания. Никогда в жизни он не готовился так тщательно — ни к одному экзамену, ни к одному испытанию в академии — как к сегодняшнему заседанию.

И он победил.

Следующее слушание перенесли на две недели. Две недели — ничтожно мало и бесконечно много одновременно. Мать уже увезли. Он лично проследил, чтобы её приняли, пообещал приехать завтра. Только после этого позволил себе сесть в карету с гербом своего дома. Как только дверца захлопнулась, Генри сполз по сиденью, почти лёг, уставившись в потолок. Руки дрожали. Мысли путались.

— Господин, — осторожно подал голос кучер. — Дома вас ожидает письмо.

Генри вздрогнул. Потом медленно сел.

— Письмо?

— Да, сэ. Пришло сегодня. Срочное.

Лицо Генри изменилось мгновенно. В нём вспыхнуло что-то живое, почти детское.

— Тогда... — он слотнул. — Тогда поторопимся.

Конечно, Эдвард не мог приехать сразу. Генри это понимал. Он был слишком далеко. Первое письмо вообще вернулось, не застав адресата. Но теперь друг знает, как он нужен здесь.

Огромный, мрачный дом встретил Генри тишиной. Не переодеваясь, молодой человек прошёл прямо в кабинет, сорвал сургуч с конверта. Взгляд упал не на начало, а сразу вниз, ища подпись, подтверждение. Потом скользнул вверх, к первым строчкам. И всё внутри молодого человека замерло. Воздух перестал поступать в лёгкие. Его пальцы, только что такие живые, онемели. Это был не ответ на его крик о помощи. Это было что-то другое. Что-то сухое, официальное, безличное. Адресованное как будто не ему и не Эдвардом.

«Генри.

Эти строки я пишу с искренней заботой о тебе и с ясным разумом. Прошу читать их не в гневе.

В жизни каждого человека наступает момент, когда необходимо выбрать — долг или сердце. Ты слишком долго уклонялся от этого выбора. Не только как сын. Не только как брат. Но и как гражданин Империи.

Твоя боль — реальна. Твои страхи — понятны. Но именно они определили течение твоей жизни. Ты позволил прошлому управлять настоящим, и потому не вправе обвинять окружающих. Они лишь уважали твой выбор — жить так, как ты жил. В саморазрушении.

Сейчас твоё отчаяние причиняет боль не только тебе, но и тем, кто рядом. В том числе — мне.

Генри, я говорю это без упрёка. Но и без иллюзий: ты больше не в состоянии что-либо изменить. Суд уже запущен. Воля Единого будет исполнена — так или иначе. Лучшее, что ты можешь сделать сейчас, — не мешать этому.

Оставь решения суду и Единому. Примми их.

И прости своего отца.

Не потому, что он был прав. А потому, что прощение — единственное, что у тебя осталось. Ты не сможешь спасти мать от былого. Не сможешь переписать прошлое. Но ты всё ещё можешь сохранить себя.

Прости — и живи дальше. Как достойный сын. Как брат. Как друг.

Я приеду, как только смогу. Однако мой долг перед Империей требует моего присутствия на Севере дольше, чем я рассчитывал.

Береги себя.

Э.»

Генри сжал письмо так, что тонкая бумага зашуршала, едва не порвалась. Несколько секунд он просто стоял, не дышал. А потом что-то сорвалось.

— Ах ты... — выдохнул он, и голос дрогнул от ярости. — Святоша.

Он резко развернулся, схватил со стола чернильницу и со всей силы швырнул прямо в портрет отца. Чёрные брызги разлетелись по строгому лицу, поползли по холодным, самоодвольным глазам, по мантии.

— Простить, — прошипел Генри. — Простить?!

Он не помнил, как сорвался с места. Лестница пролетела под ногами, перила больно ударили по ладони, но он даже не заметил. Внизу, в полутени холла, его уже ждал дворецкий — седой, мужчина шестидесяти лет. Всю свою жизнь он служил дому Мэлфоев.

— Господин, — почтительно произнёс он, склонив голову. — Все следственные... процедуры с телом мистера Мэлфоя завершены. Мы можем приступить к подготовке похорон. Нужно лишь ваше распоряжение.

Генри остановился так резко, что дыхание сбилось. Он медленно повернул голову. В его взгляде не было ни скорби, ни колебаний.

— Похороны? — повторил он тихо. А потом выплюнул, с ненавистью: — Не дождётесь. Дворецкий едва заметно напрягся.

— Убийцам не место в склепе Мэлфоев!

Генри не стал слушать ответа. Резко распахнул двери и вышел в ночь. Он не собирался торчать в одиночестве в этом мёртвом доме, в Столице есть убежища приятнее. Шагнув в карету и бросил кучеру приказ:

— В Восточный Дом Гетер.

Среди слякоти и копоты тёмного, мрачного города, на одном из центральных бульваров, словно экзотический цветок, сияло здание Восточного Дома Гетер. Пятиэтажное, почти дворец — с башенками, эркерами, балконами и даже террасами. Оно выглядело словно потерянный драгоценный камень.

Фионе Элени, хозяйке заведения, на балу у Стоунфилдов приглянулись сияющие магические лепестки, кружившие тогда в воздухе. И она, не долго думая, устроила такой же эффект вокруг своего владения. Теперь и сад и парадная лестница бесконечно покрывались нежно-розовыми цветами.

От белоснежных стен исходил мягкий, внутренний свет, делая их почти прозрачными, невесомыми, на фоне булыжной мостовой и темного камня соседних зданий это выглядело как видение для уставших глаз. Одного взгляда на сверкающие окна хватало, чтобы в груди приятно ёкнуло предвкушение праздника, а в животе заиграло знакомое сладкое возбуждение.

С улыбкой предвкушения Генри Мэлфой подошёл к парадной лестнице, раскинул руки и почти ощутил на них иллюзорные нежные цветы, он уже занёс ногу над первой ступенькой, но на последней секунде спохватился. Мужчина резко развернулся и почти бегом пересёк улицу, влетев в цветочную лавку напротив. Через минуту Генри вышел оттуда, в его руках была нелепо огромная охапка ярко-красных цветов — алые розы, пламенеющие лилии, сочные гвоздики. Это был не букет, а целый трофейный сноп, почти скрывавший лицо мужчины.

Поднимаясь по широкой парадной лестнице, он размахивал цветами, удерживая равновесие. Бутоны выскальзывали из его рук, падали на ступени, рассыпались пятнами, оставляя яркую дорожку позади. Генри не оборачивался и уж тем более не собирался собирать потерянное.

— Ах, мистер Мэлфой, вас давно не было, сэра. — в холле Генри встретила хрупкая блондинка.

— Как же вы меня узнали, среди всех этих цветов? — засмеялся молодой человек и закружился, влетая в главную залу Дома. Он начал раскидывать цветы вверх, в руки служанкам, на витражные столики, за которыми сидели наряженные девушки и джентльмены.

— По вашим изящным рукам, конечно, — Фиона спокойно проследовала за Генри. — Мои соболезнования, мистер Мэлфой.

Генри резко сузил глаза и сипло спросил:

— Чему именно вы сочувствуете?

— Болезни вашей матушки, конечно, — Фиона сдержанно улыбнулась, одновременно поддерживающе и печально. Её ярко-голубые глаза смотрели прямо в лицо Генри, без ужимок и заискивания. Молодой человек схватил девушку в объятия и закружил.

— Но можно ведь и поздравить меня! Я теперь граф. Титул перешел ко мне от отца.

Фиона заливисто засмеялась не сопротивляясь, а наоборот откидывая руки в стороны.

— Пригласить Лилию? Вы пропустили её день рождения, — выдохнула Фиона, когда Генри бережно опустил ее на пол. Окружающие смотрели на пару со смехом.

— Каюсь, это непозволительно с моей стороны, — театрально опустил голову Генри. Фиона, будто дирижёр, принимающий ноту, сделала выразительный выдох и кивнула.

— Позвольте мне помочь с извинениями, мистер Мэлфой.

Генри несколько раз благодарно склонился, оставаясь ждать у подножия лестницы. Но терпения хватило ненадолго. Едва Фиона скрылась на втором марше, как он бесшумно рванул за ней.

Он не знал точной комнаты, но знал устройство. Все Дома Гетер строились по единому замыслу: просторный общий зал под стеклянной крышей, а вокруг — словно лепестки вокруг сердцевины — жилые, учебные комнаты и будуары. Разнились лишь масштаб и степень роскоши. Восточный Дом был, разумеется, самым богатым: резные арки, пёстрые ковры, свет бра, льющийся из хрустальных чаш.

Фиона, не подозревая, что за ней следят, неспешно поднялась на третий этаж и постучала в одну из дверей. Сначала дверь приоткрылась лишь на ладонь. Темноволосая девушка быстро оценила, одна ли хозяйка или с гостем, и только после этого распахнула дверь шире.

— К тебе пришёл Генри, — мягко сообщила Фиона.

— Серьёзно? — брови Лилии взлетели к потолку. — Такое важное собрание, а этот...

За спиной Фионы, словно из воздуха, материализовался сам мистер Мэлфой. Он ловко забежал за управляющую, желая извиниться лично, и замер, уловив последние слова.

— Собрание? — прошептал он, и в его голосе зазвучала ребяческая заинтересованность. — У вас тут тайные общества?

Фиона обернулась, и в её глазах мелькнул азарт. Она положила палец на губы.

— Конечно, сэра. Гильдия Розы! — Фиона таинственно улыбнулась. Подошла ближе, и её шёпот стал соблазнительным. — Только никому, граф. Мы собираемся каждое полнолуние и...

Она приблизилась вплотную, её дыхание коснулось уха Генри.

— ...и изобретаем кремы для макияжа.

Генри отшатнулся, фальшиво-поражённый, и расхохотался. В этот момент вперёд вышла Лилия.

— Одно из изобретений — на моих губах, — произнесла она с достоинством учёного, демонстрируя безупречный малиново-рубиновый оттенок. — Вам нравится цвет, милорд?

Генри, как замороженный, потянулся пальцами к её лицу, будто хотел прикоснуться к цветку.

— Нет-нет, — отстранилась она с лёгким упрёком. — Трогать нельзя. Этот оттенок я сама вывела в свой день рождения. Вместо того, чтобы отмечать в каком-нибудь шикарном месте!

Её шаг назад оставил руку Генри висеть в пустоте.

— Этот цвет...

Начал он задумчиво, а потом лицо его озарила новая, блестящая идея.

— ...прекрасно дополнит гранатовое кольцо! Которое вы, мадемуазель, должны выбрать сами. Прямо сейчас. У Сириана, лучшего ювелира в городе.

Лилия замерла на секунду, а потом радостно вскрикнула, как ребёнок, и кинулась обратно в комнату за тёплой мантией.

— Фиона! — позвал Генри. — Позовите и Диану! У неё ведь тоже наверняка бывают дни рождения, нам втроём будет веселее.

Улыбка на лице Фионы замерла.

— Диана... — тихо сказала она. — Диана пропала.

— Сбежала, наконец, — произнёс Генри, стараясь придать голосу прежнюю небрежность. — Надеюсь.

Фиона посмотрела на него внимательно. Её улыбка совсем растворилась.

— К сожалению, нет, — сказала она ровно. — Если у вас появится возможность помочь... мы обязательно вернёмся к этому разговору. В более подходящих обстоятельствах.

Из комнаты вышла Лилия, уже в тёплой мантии, с чуть взволнованным, сияющим лицом. Генри развернулся к ней, словно разговор с Фионой никогда и не происходил.

Они ушли вдвоём по галерее, оставляя за собой шорох шагов и рассыпанные розовые лепестки. Фиона осталась стоять на месте ещё несколько секунд, глядя паре вслед. Потом медленно выдохнула.

Вместе с титулом графа, невообразимыми счетами в банке и магическими реликвиями, пылившимися в фамильных подвалах, Генри получил место в парламенте — до первых выборов, то есть на ближайшие два года. И потому после яркой, безудержной ночи с Лилией и несколькими её подругами, без сна и без возможности прийти в себя, ему пришлось ехать в здание Министерства. Исполнение долга было не вопросом чести — необходимостью. Суд над матерью не оставлял пространства для демонстративного пренебрежения обязанностями.

Теперь, сквозь туман похмелья и ноющую головную боль, зал парламента казался особенно угнетающим. Седые и лысые головы, важные профили, монотонный гул голосов — всё это сливалось в серое, безжизненное пятно. Выделялся только герцог Блэквуд, который откровенно и, судя по ровному дыханию, крепко спал в первом ряду. Не раздумывая, Генри проскользнул в проход и опустился в соседнее, пустовавшее кресло.

Молодой человек уже раздвинул локти, готовясь последовать благородному примеру, как слова докладчика заставили вздрогнуть.

— ...опасность заключается в самой системе! — захлёбывался, обращаясь к залу, какой-то сморщенный бочонок в парике. Маркиз? Или просто барон? Генри не запомнил.

— Обученные Гетеры — это пороховой подвал столицы! Та, что недавно напала на Первого министра, была, между прочим, выпускницей самого благополучного и знаменитого Дома! Восточного!

Бочонок ударил кулаком по трибуне, и пудра с его парика взметнулась облачком.

— Три нападения за месяц! Два убийства! И все в схожей манере! Это не случайность, господа! Это начинающийся мятеж! Я требую немедленного расследования всех Домов Гетер и ограничения их магической учебной программы до минимума!

В зале зашумел гул. Генри почувствовал, как похмельная тошнота сгустилась в комок от отчаянной попытки проанализировать сказанное.

Поднялся Первый министр, Альрик фон Хайд. Его лицо, обычно бесстрастное, кривила гримаса отвращения. Он не стал подходить к трибуне, его скрипучий, словно не смазанная дверь, голос прорезал гул.

— Если следовать железной логике уважаемого барона Дэзла, — произнёс Альрик, растягивая слова, — то в первую очередь нам следует запретить министрам обучаться разговаривать.

В зале пробежал смешок.

— Ибо уважаемый барон только что мастерски разболтал детали закрытого следствия. — продолжил Альрик, прищурившись, — теперь у любого заинтересованного лица есть полная картина нашей неосведомлённости.

В зале на секунду воцарилась мёртвая тишина, а потом её разорвал шумный выдох герцога Блэквуда. Он наклонился к Генри и пробормотал:

— А вы что здесь делаете, мистер Мэлфой?

Пауза.

— Я думал, ниже уже упасть невозможно и вот вы здесь.

— Рядом с вами, ваше сиятельство. — хохотнул Мэлфой.

— Именно. — довольно кивнул Кайл.

— Так что случилось с девушкой? — решил воспользоваться случаем Генри и удовлетворить своё любопытство.

— Так вы теперь член парламента, покажите свой значок и посмотрите сами в комиссариате. — герцог отвернулся, показывая, что разговор окончен. А затем и вовсе резко встал и вышел прямо во время следующего доклада. Мужчина за трибуной замолчал и почтительно дождался пока Кайл Блэквуд дойдет до выхода.

После заседания Граф Мэлфой метался между двумя точками, словно маятник: больницей и комиссариатом. Обещание, данное матери, тянуло в одну сторону. Мысли о возможной причастности гетер к смерти отца — в другую.

— А если и связаны, — пробормотал он себе под нос, глядя на мрачное здание Следственного комиссариата, — что это мне даст? Поблагодарить их, что ли?

Ну, раз он уже рядом, Генри решил зайти. Имя «Мэлфой» сработало как ключ. Его провели без лишних вопросов, без ожидания, без журналов. Молодой полицейский с пустым взглядом сопровождал Генри по коридору, а затем — к комиссару. Тот даже не стал спорить, лишь усмехнулся краем рта.

— Материалы желаете посмотреть? — переспросил он. — Можно. Только... вам вниз.

— Вниз? — Генри нахмурился.

— В морг.

Вниз двое мужчин спустились на лифте. Комиссар предупредительно открыл и закрыл кованые двери перед графом. Маленькая кабинка освещалась красным кристаллом, который и приводил в движение механизм. В подвале в нос ударил резкий химический запах. Такой, что сразу пересыхало во рту. Генри поморщился, но ничего не сказал.

Комиссар шёл впереди — высокий, сухой, с острыми чертами лица и глазами человека, которому давно всё равно. Он подвёл Генри к металлическому столу. Тело было накрыто плотной тканью и освещалось единственной лампой. Без предупреждения комиссар дёрнул покрывало.

Генри судорожно вдохнул — и тут же выдохнул, резко, сдавленно. Головы... почти не было. Точнее, она была — но так обезображена, что мозг отказывался сразу принять увиденное. Сломанная кость, разорванная плоть, следы магического удара, от которого не остаётся лица.

Комиссар вскинул голову с насмешкой. Он смотрел не на тело, а на реакцию графа.

Генри, не отрываясь, разглядывал девушку. Это тело ему было хорошо знакомо. Родинка на шее. Маленькая, в форме вытянутого сердца. Короткий шрам на правом бедре — старый, еще с детства — неаккуратно зажил. Диана тогда сказала, что «пустяки», и смеялась, когда он предлагал целителя.

Это точно была она.

— И... — голос Генри прозвучал глухо, будто не его. — И эта девушка напала на Первого министра?

Комиссар кивнул. Спокойно, почти лениво. Он взял безжизненную руку и показал на внутреннюю сторону запястья. Там был едва заметный, но чёткий магический шрам — круг и два листочка вербы — Знак Гильдии Гетер.

— Оповознательный знак, — пояснил он. Затем провёл пальцем по ногтям, где под сгустками грязи и крови проглядывали крошечные, изящно приклеенные камушки — украшение, ручная работа.

— А это уже география. Такие украшения любят в Восточном Доме. Хотя, конечно, не только там.

Потом холодный, пронзительный взгляд впился в Генри.

— А вы... её опознали, милорд?

Генри медленно достал платок, прижал его ко рту — скорее потому что так требовала ситуация, а не по нужде.

— Что вы, — сказал он обрывисто. — Как можно опознать... это.

Он отвёл взгляд от стола и уставился в пол.

— Бедная душа.

После морга Генри поехал в больницу. Сцена в морге почему-то впечатлила его больше, чем он предполагал. Он не верил, что Диана напала на Первого Министра, но чувствовал, что её смерть не была случайной. Гетеры часто погибали от рук опекунов и покровителей, ещё чаще от своих спутников, когда становились наложницами. Но такие смерти не афишировались, скрыть их было проще простого для знатных мужчин. А значит вокруг гетер действительно намечалось нечто. То, что лежало в морге больше напоминало предупреждение.

Картинка за окнами кареты стремительно менялась, но молодой граф этого почти не замечал. Камень, фонари, люди — всё сливалось в тусклый фон. Вскоре на улицах потемнело, стало больше деревьев, меньше фонарей и красных кристаллов «гармонии»: больница находилась за городом.

Палата матери Генри оказалась двухкомнатной, с высокими окнами. В первой комнате — гостиная зона с диванами, камином и столиком. Во второй располагалась спальня. Ванная комната выглядела немного обшарпанной, но здесь была и чугунная купель и полы с подогревом. Генри машинально проверил всё: окна, краны, даже жесткость матраса. Поговорил с врачом — коротко и формально. Подписал бумаги, задал нужные вопросы, кивнул там, где требовалось кивать.

Только потом сел у кровати.

Кива Мэлфой выглядела... потухшей. Не больной, а именно выжженной изнутри. Кожа бледная, волосы аккуратно убраны, губы тронуты слабым, вымученным румянцем. И всё равно она улыбнулась, увидев его.

— Ты пришёл, — сказала тихо.

Генри взял её руку. Она была тёплой, но будто не живой, податливой любому движению.

— Конечно, — ответил он. — Я обещал.

Она смотрела на него изучающим взглядом.

— Вы так похожи, — произнесла она вдруг. — Ты и Анна. Иногда, когда ты наклоняешь голову... я вижу её.

Имя ударило неожиданно. Генри открыл рот, чтобы сказать что-то утешительное, что-то правильное — про лечение, про суд, про то, что всё будет хорошо. Но вместо этого вырвался вопрос. Резкий и неуместный.

— Скажи... — он запнулся. — У отца были фаворитки из Гетер?

Мать вздрогнула. Она будто сжалась внутри себя. Плечи согнулись, взгляд потух ещё сильнее. Пальцы в его руке дрогнули.

— Да, — ответила она после паузы. Очень тихо. — Были.

Генри не перебивал.

— Одна... — продолжила она, глядя куда-то в сторону окна. — Он часто выезжал с ней. Тёмные волосы. Карие глаза. Всегда молчала. Хорошая девочка.

Она замолчала, в палате повисла тяжёлая, вязкая тишина. И в этот момент в окне послышался звон стекла. Лёгкий удар, скрежет коготков. Генри поднял голову. На подоконнике сидела сойка. Синяя, нахохлившаяся, держащая в лапе сложенный клочок бумаги. Кива Мэлфой даже головы не повернула на шум, она что-то бормотала сама себе.

Сердце Генри на мгновение замерло. Он встал, подошёл к окну и выпустил птицу. Та опустила записку на подоконник и выпорхнула обратно.

Генри задумчиво смотрел на бумагу, не раскрывая. Он знал, от кого она, ведь немногие в Империи могли попросить об одолжении животных. К тому же он сам когда-то посоветовал Мире скрывать свой дар до поры до времени. Мгновение сомневаясь, молодой человек резко раскрыл записку:

«Беда. Приезжай немедленно. Эдвард прислал домой коня и ворох грязных слухов. Мира».

Глава 8. В тихом омуте, на дне

За длинным обеденным столом в доме Фери было тесно — для званного ужина выбрали маленькую столовую. Сегодня здесь собрались только «свои».

— Я должен сказать, Каин, — голос Альрика фон Хайда разнёсся по столовой легко, уверенно, как будто это была трибуна министерства, — вы изящно вышли из ситуации. Глава отдела доволен. И тот страждущий, что подал заявление, — тоже.

Он отпил вина и продолжил с явным удовольствием:

— Из этого молодого человека выйдет отличный управленец. Настоящее приобретение для министерства.

Каин склонил голову, чуть улыбнувшись. Не смущённо — сдержанно.

— Благодарю, господин министр, — ответил он спокойно.

Мария смотрела на сына с той особенной, тихой гордостью, которая не нуждается в словах.

— Где ещё вино? — резко перебил Кирилл. Хозяин дома, мистер Фери, сидел во главе стола, и его крупная, светловолосая фигура, так не похожая на тёмных, изящных Марию и её детей, казалось, поглощала тень. Он молча перекачивал вино в бокале, взгляд его был остекленевшим и тяжёлым. На лице мужчины играл пьяный румянец.

Служанка метнулась было к дверям, но Кирилл отмахнулся.

— Мария, — сказал он с нажимом. — Принеси сама. Я просил то, что из погреба, а не кислятину.

В комнате повисла пауза. Мария уже начала приподниматься со стула, когда Каин предупредительно вскочил.

— Я схожу, отец, — сказал он быстро. Внешне Каин был вылитой матерью — те же тёмные волосы, те же глубокие, чёрные глаза.

Альрик тут же оживился. Даже его неприятные черты лица стали как будто мягче, с таким удовольствием Первый Министр улыбнулся.

— Вот! — с одобрением заметил он. — Внимательный, учтивый. Редкость нынче.

Кирилл усмехнулся, не глядя ни на кого конкретно. Мужчина с досадой допил остатки в своем бокале.

— Иногда мне кажется, Альрик, — протянул он, — что ты заходишь сюда не ко мне.

Кирилл сделал паузу.

— А чтобы увидеться с моим сыном.

Альрик поднял брови, но ответил без обиды, почти лениво:

— У меня нет детей, Кирилл. Полагаю, я просто завидую.

Жена министра, Елена, виновато опустила взгляд в тарелку, весь ужин она сидела словно статуя с приятной полуулыбкой на губах и только сейчас сменила позу. За столом кто-то неловко кашлянул. Лорд Грейвхолд, сидевший рядом со своей супругой Алоизой, старшей дочерью Кирилла, шумно поставил бокал на стол и поднялся. Он был минимум вдвое старше Алоизы и не стремился молодиться. Одет лорд был небрежно и старомодно. Двигался устало и тяжело.

— Раз уж речь зашла о семье, — объявил он грубо, — считаю нужным сообщить: мы с супругой ожидаем первенца.

Алоиза, похожая на ещё более хрупкую и замкнутую копию матери, кротко кивнула. Её глаза были широко открыты, в них читались растерянность и смущение. Она не знала, что муж выберет для объявления этот вечер и этот момент.

Кирилл медленно поднял свой пустой бокал. По его лицу расплзлась широкая, неестественная улыбка. Но глаза оставались скучающими.

— Поздравляю, лорд Грейвхолд. И... тебя, дочь. Дети — это счастье.

Барон Фери перевел взгляд на Даниила и подмигнул ему. Восемилетний мальчик задорно засмеялся в ответ и заболтал ногами под столом. Даниил увлеченно поглощал виноград, который обычно ему было нельзя. Вообще по этикету мальчику не место на званном ужине, но Кириллу нравилось, когда младший был рядом. В отличие от Каина и дочерей, у Даниила не было магического дара и это делало ребёнка ещё ближе отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.